

ДЖОН ГРИШЭМ

ПАРТНЕР

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Джон Гришэм
Партнер

«АСТ»

1997

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гришэм Д.

Партнер / Д. Гришэм — «АСТ», 1997

ISBN 978-5-17-094078-3

«Идеальный преступник может получиться только из адвоката» – так говорят в Америке. И ведь верно – кто лучше адвоката знаком со всеми возможными и невозможными способами увернуться от карающей длани Закона?.. Идеальным преступником мечтал стать многоопытный юрист, лихо обокравший своих партнеров по фирме, но даже не представлявший, какими неприятностями грозит ему эта кража. Теперь ему придется бежать не от Закона – но под крыло Закона. Потому что только Закон может спасти его от гибели.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-094078-3

© Гришэм Д., 1997
© АСТ, 1997

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	48
Глава 10	52
Глава 11	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Джон Гришэм Партнер

John Grisham
THE PARTNER

© John Grisham, 1997

© Перевод. Ю. Г. Кирьяк, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Как обычно, при написании и этой книги я полагался на эрудицию и знания моих друзей, за что хочу поблагодарить их всех: Стива Холлэнда, Жене Макдэйда, Марка Ли, Бастера Хэйла и Р. Уоррена Моука, поделившихся со мной своим опытом и оказавших неоценимую помощь при подборе фактического материала. Уиллу Дентону вновь пришлось вычитывать рукопись и приводить ее в надлежащий вид.

В Бразилии я получил надежную поддержку со стороны Паоло Рокко, моего издателя и друга. Это он вместе со своей очаровательной женой Анджелой научил меня любить Рио – лучший из всех городов мира.

На вопросы друзья отвечали с присущей им искренностью. Допущенные в книге ошибки – исключительно моя заслуга.

Дэвиду Гернерту – моему другу, издателю и агенту – посвящается

Глава 1

Они нашли его в Понта-Пору, небольшом и уютном бразильском городке, расположенном у самой границы с Парагваем. Местные жители называли это место просто Границей.

Они нашли его в домике из темного кирпича на улице Тирадентис – широкой улице, поделенной вдоль полосой раскидистых деревьев. По раскаленному тротуару босоногие мальчишки гоняли футбольный мяч.

Они нашли его в одиночестве. Правда, на протяжении восьми дней, в течение которых велось скрытое наблюдение, время от времени в домик навевывалась служанка.

Он жил вполне комфортабельно, но, безусловно, был далек от роскоши. Скромный домик мог бы принадлежать любому местному торговцу. Машина – красный, начищенный до блеска «фольксваген-жук» 1983 года выпуска – была сделана в Сан-Паулу вместе с десятками тысяч точно таких же. На первом сделанном ими снимке владелец, выведя автомобиль за ворота, наводил на него лоск.

Он успел похудеть и теперь весил значительно меньше своих девяноста трех килограммов. Волосы и кожа потемнели, подбородок стал квадратным, нос чуть заострился. Они были готовы к этим изменениям, поскольку заплатили хирургу из Рио, поработавшему два с половиной года назад над его лицом, хорошие деньги за эту информацию.

После четырех лет изнурительных поисков они все-таки нашли его. За это время они не раз выходили из тупика, ошибались, теряли и вновь находили след. Они потратили бешеные деньги, часто сомневались в успехе, думая, что им не удастся найти его.

И наконец оказались у цели.

Оставалось только ждать. Поначалу их мучило желание наброситься на него, накачать наркотиками, перевезти тайком через парагвайскую границу и спрятать в надежном месте. Они сгорали от нетерпения схватить его, прежде чем он успеет их увидеть или у соседей возникнут какие-то подозрения. Охватившее их возбуждение требовало выхода, однако через два дня они успокоились – надо было выбрать подходящий момент для нападения. В неброской одежде они слонялись по улице, прячась от солнца, пили чай за столиками под сенью деревьев, охлаждали себя мороженым, болтали с мальчишками, но при этом не сводили внимательных глаз с его дома. Они следовали за ним, стоило ему отправиться по магазинам, и сделали прекрасный снимок, когда он выходил из аптеки. Чуть ли не вплотную к нему они стояли на рынке и слушали его разговор с торговцем: отличный португальский с едва заметным акцентом американца или немца, потратившего немало сил на овладение языком. Покупки не отняли у него много времени, однако, когда он вернулся домой и запер ворота, в их распоряжении было уже не менее десятка отличных снимков.

Раньше ради поддержания формы он занимался бегом, но за несколько месяцев до того, как он исчез, дистанция стала укорачиваться, а стрелка весов угрожающе поползла вправо. Сейчас же, увидев его похудевшим, они нисколько не удивились – он явно вновь начал заниматься собой.

Он вышел из дома, закрыл ворота и неторопливой трусцой устремился по тротуару в сторону окраины. На первый километр ушло семь минут. Когда жилые дома остались позади, асфальт сменился гравием; на середине второго километра Денило прибавил скорости, и кожа его покрылась бисеринками пота. Стоял октябрьский полдень, почти двадцать шесть по Цельсию. В ровном темпе – шесть минут на километр – он миновал небольшое здание клиники, во дворе которой болтали молодые матери, и построенную баптистами церковь. Уходившая в сторону пригорода грунтовая дорога была очень пыльной.

Бег – дело серьезное, и наблюдатели радовались, что их подопечный так любил его. Денило в буквальном смысле сам прибежит к ним.

На следующий день бразилец Осмар снял на самой окраине Понта-Пору крошечный грязноватый домик, куда быстро перебралась вся группа, состоявшая из американцев и бразильцев. Американцами командовал Гай, Осмар же, свободно владевший обоими языками, был не только руководителем бразильцев, но и переводчиком.

Числившийся когда-то государственным служащим Гай прибыл из Вашингтона. Наняли его специально для того, чтобы он отыскал Денни-боя, как сразу же окрестили беглеца. Гай считался гением в одних сферах деятельности и был талантлив в других, но его прошлое представляло собой черную дыру. Подписанный им годичный контракт на розыски Денни оказался пятым по счету. За поимку ценной дичи Гая ждал хороший гонорар. И тем досаднее были преследовавшие его неудачи. Они давили на психику, хотя Гай старался скрыть это.

Четыре года и три с половиной миллиона долларов, а в результате – пустота, ноль.

И вот наконец они нашли его.

Осмар и другие бразильцы не имели ни малейшего представления о том, чем и кому так здорово насолил Денни-бой, но без всяких объяснений и дураку было ясно: парень скрылся, прихватив нечто очень ценное, может, даже машину, груженную пачками банкнот. Несмотря на недавнее его любопытство, Осмар быстро понял, что лишних вопросов лучше не задавать: сказать по данному вопросу Гаю и его приятелям было нечего.

Развешанные по стенам кухоньки увеличенные фотографии Денни тщательнейшим образом изучались курившими одну сигарету за другой сурового вида мужчинами. Покачивая головой, они шепотом обсуждали различия между новыми снимками и теми, где Денни был запечатлен несколько лет назад. Человек, за которым они охотились, стал как бы меньше, у него был другой подбородок и слегка крючковатый нос. Да тот ли это, кто им нужен?

Такое уже случалось: девятнадцатью месяцами раньше на юго-восточном побережье, в Ресифи, они так же сидели на кухне снятой на время квартиры и рассматривали фотографии, а потом было принято решение захватить изображенного на них американца, чтобы получить его отпечатки пальцев. Отпечатки не совпали с теми, что у них были. Пришлось вкатить несчастному лошадиную дозу наркотика и оставить в придорожной канаве.

Забираться слишком глубоко в нынешнюю жизнь Денило Силвы они опасались. Если он и в самом деле тот человек, которого они ищут, то денег у него полно, а при общении с местными властями звонкая монета творит чудеса. Нацисты, укрывавшиеся в Бразилии со времени окончания войны и добравшиеся до Понта-Пору, на протяжении десятилетий легко покупали себе покровительство и защиту городской администрации.

Осмару очень хотелось захватить Денни-боя тотчас же, однако Гай сказал, что необходимо выждать. И вдруг на четвертый день Денило исчез, и обитатели грязного коттеджа тридцать шесть часов пребывали в состоянии, близком к панике.

Они видели, как Силва отъехал в своем красном «жуке» от дома и на хорошей скорости пересек город, направляясь в сторону аэропорта. Там он бросил «фольксваген» на единственной стоянке и в самый последний момент поднялся на борт небольшого самолета, совершавшего рейс до Сан-Паулу с четырьмя промежуточными посадками. За машиной тут же установили наблюдение.

Мгновенно родился план пробраться в пустой дом Денило, чтобы изучить все бумаги и поднять в поисках тайников каждую доску. Где-то же должны храниться какие-либо записи, документы. Гай мечтал откопать пачку банковских отчетов о движении крупных денежных средств, корешки телеграфных переводов, итоговые цифры по счетам – словом, портфель с полным набором информации, которая привела бы их к деньгам.

Однако он отдавал себе отчет в несбыточности подобных надежд. Если Денни почувствовал неладное и сбежал, то никаких сколь-нибудь ценных бумаг он, конечно, не оставил. Кроме того, если это и в самом деле их «подопечный», его дом наверняка оборудован систе-

мой сигнализации. Денни, где бы в данный момент он ни находился, вероятно, сразу узнал бы о проникновении постороннего в его убежище, стоило только попытаться открыть дверь или окно.

Поэтому им оставалось лишь ждать. Ждать, проклиная все на свете, споря друг с другом и изнывая от напряжения. Гай связался по телефону с Вашингтоном – эту неприятную обязанность нужно было, к сожалению, выполнять ежедневно. С красного «жука» не сводили глаз. По прибытии очередного рейса из сумок мгновенно извлекались бинокли и сотовые телефоны. Шесть самолетов в первый день, пять во второй. Остававшихся в маленьком домике членов группы мучила тягучая духота, и они вынуждены были выбраться на воздух: американцы дремали в ненадежной тени худосочного деревца на заднем дворе, а бразильцы лениво играли в карты, устроившись у ограды перед входной дверью.

Гай вместе с Осмаром, чтобы хоть как-то отвлечься, разъезжали по городку на машине и мысленно клялись захватить Денни сразу же, как только тот вернется – если вообще вернется. Осмар в его возвращении был уверен. Скорее всего Силва выехал по делам – черт его знает, по каким. Ничего, пусть только появится, они схватят его тут же. Схватят и снимут отпечатки пальцев. Если они вновь ошиблись, в ход пойдут наркотики, а потом его сбросят в канаву. Опыт в этом у них уже был.

Денни-бой прилетел на пятый день. Его довели до дома на улице Тирадентис и с облегчением перевели дух.

На восьмой день маленький домик опустел. Вся группа выдвинулась на заранее определенные позиции.

Дистанцию в шесть километров Денни пробегал ежедневно, в одно и то же время, одетый в оранжевые шорты, без майки, на ногах – разношенные кроссовки «Найк» и белые носки.

Наиболее подходящее для засады место находилось в двух с половиной километрах от его дома, на вершине невысокого холма, неподалеку от точки, где Силва поворачивал и устремлялся в обратную сторону.

Денни поднялся по склону через шестнадцать минут после того, как выбежал из ворот дома, секунд на двадцать раньше, чем предполагалось. По неизвестной причине – может, из-за низко висевших туч – темп чуть возрос.

На вершине холма поперек дороги стоял небольшой автомобиль с раскрытым багажником. Задний бампер его опирался на домкрат – можно было подумать, что спустила шина. Рядом суетился водитель, курчавый парень, на лице которого при виде тощего и потного бегуна отразилось явное удивление. На мгновение Денило замедлил бег, видно, размышляя, с какой стороны обежать неожиданное препятствие. Справа, пожалуй, будет удобнее.

– Добрый день, – произнес молодой человек, сделав шаг навстречу.

– Добрый день, – ответил Денило, приближаясь к машине.

И тут стремительным движением парень выхватил из багажника огромный, сверкающий никелем пистолет и направил его в лицо Денило. Силва застыл на месте, не в силах отвести взгляд от черного отверстия в стволе; грудь его по-прежнему тяжело вздымалась, из раскрытого рта рвалось шумное дыхание.

Руки у водителя были длинными и очень крепкими. Лево́й он схватил Денило за шею и, грубо подтолкнув к автомобилю, заставил склониться над задним бампером. Затем курчавый сунул пистолет в карман и уже обеими руками буквально сложил Денило пополам и запихнули в багажник. Денни попытался было сопротивляться, но противник не оставил ему ни малейших шансов на успех.

Парень захлопнул крышку багажника, выбил ногой из-под бампера домкрат, отшвырнул его в сторону и, сев за руль, тронул машину с места. Отъехав километра полтора, он свернул на узкую тропу, где его с нетерпением ожидали остальные.

Тонким нейлоновым шнуром Денило стянули руки, повязали на глаза непроницаемо-черную повязку и втокнули в мини-фургон. Справа от него устроился Осмар, слева – один из его подчиненных. Из висевшей на поясе Денни сумочки кто-то достал связку ключей. За все это время мокрый от пота Силва не издал ни звука. Дыхание его сделалось еще более затрудненным.

Первые слова он смог выдать, только когда фургончик остановился на пыльной дороге, позади возделанного участка земли.

– Что вам нужно? – спросил он по-португальски.

– Не разговаривать, – лаконично ответил Осмар на английском.

Сидевший слева от Денило бразилец достал из небольшой металлической коробочки шприц и невозмутимо наполнил его какой-то жидкостью из ампулы. Осмар выпрямил связанные руки Денни – игла вошла в правое предплечье. Силва на мгновение напрягся, однако тут же понял, что сопротивление бессмысленно. Мышцы его расслабились, и остаток жидкости беспрепятственно поступил из шприца в кровь. Дыхание стало более спокойным, голова начала покачиваться из стороны в сторону. Когда подбородок Денни опустился на грудь, Осмар осторожно приподнял шорты на правой ноге своего пленника и увидел то, что и предполагал увидеть, – бледную кожу.

Бег не только поддерживал Денни-боя в форме, бег открывал доступ ультрафиолету.

Похищения людей были на Границе обычным делом. Американцы представляли собой доступную и легкую добычу. «Но почему меня?» – думал Денни, проваливаясь в звездную бесконечность, стремительно пролетая мимо Луны и улыбаясь мчащимся навстречу галактикам.

Они спрятали его под картонными коробками с дынями и фруктами. Расположившиеся у шлагбаума в шезлонгах пограничники, не удосужившись подняться, благосклонным кивком разрешили фургончику проехать, и в следующее мгновение Денни оказался в Парагвае, хотя в тот момент ему не было до этого абсолютно никакого дела. Неудобств не причиняли даже усилившаяся из-за отвратительной дороги тряска и натужный вой двигателя, преодолевавшего довольно крутой подъем. Жадно куря сигарету за сигаретой, Осмар время от времени указывал водителю нужный поворот. Примерно через час после того, как они захватили Денни, в узкой щели меж двумя холмами появилась едва заметная с дороги хижина. Машина остановилась. Подобно мешку с отрубями, Силву внесли в крошечную кладовку и положили на стол, возле которого сидели Гай и специалист по снятию отпечатков.

Пока дактилоскопист прилежно работал над всеми десятью пальцами, Денни оглушительно храпел. Обступившие стол члены группы с напряженным любопытством наблюдали за требовавшим аккуратности процессом. В ящике у двери дожидалась своего часа бутылка виски, припасенная на тот случай, если пленник не обманет их надежд и окажется тем самым человеком, за кем велась эта долгая охота.

Закончив с подушечками пальцев, специалист по отпечаткам выпрямился, быстро прошел в соседнюю комнату, запер за собой дверь, разложил на столе десять листков с черными пятнами посередине и включил мощную лампу. Затем он достал из портфеля контрольные отпечатки, которые Денни-бой много лет назад, еще будучи Патриком, совершенно добровольно позволил снять, перед тем как подал заявление о вступлении в ассоциацию адвокатов штата Луизиана. Странное дело – кому пришло в голову брать отпечатки пальцев у юристов?

Оба комплекта были предельно четкими, их идентичность не вызвала никаких сомнений. Тем не менее дактилоскопист педантично сверил каждый завиток. Торопиться незачем: те, в соседней комнате, могут и подождать. Грех не насладиться мгновениями триумфа.

Распахнув наконец дверь, он обратил свое сосредоточенное, серьезное лицо к возбужденно ожидавшим вердикта мужчинам, и его губы внезапно растянулись в широкой улыбке.

– Это он.

В ответ раздались аплодисменты.

Гай был не против отметить успех операции, но потребовал не забывать об умеренности: работы еще предстояло достаточно. Так и не пришедшему в себя Денни-бою сделали дополнительную инъекцию и перенесли его в маленькую спальню – без окон, зато с тяжелой, запиравшейся снаружи прочной дверью. Именно здесь будет вестись допрос, а при необходимости и пытка.

Босоногие мальчишки были слишком увлечены мячом и не обращали ни малейшего внимания ни на что другое. На кольце из поясного кошелька Денни висело всего четыре ключа, поэтому с небольшой входной калиткой не возникло никаких задержек. На всякий случай ее оставили открытой. Метрах в пятидесяти, под раскидистым деревом, во взятой напрокат машине дождался один из бразильцев. Другой на противоположном конце улицы с усердием регулировал тормоза мотоцикла.

Если при открытии входной двери завоет сирена, то партнер спасется бегством, и никто не успеет его заметить. Если же шума не будет, он проникнет в дом и осмотрит все, что их может заинтересовать.

Дверь открылась, но сигнализация так и не включилась – видно, охранная система оказалась отключена. Мужчина с облегчением вздохнул и, выждав примерно минуту, медленно двинулся в кабинет, где со знанием дела вынул из компьютера Денни-боя жесткий диск и собрал все дискеты. Затем он просмотрел лежавшие на столе папки, но не обнаружил в них ничего достойного внимания – обычные счета, одни оплачены, другие – нет. Дешевый факс не работал. Оставалось только сделать снимки: одежда, еда в холодильнике, мебель, стеллажи с книгами, полка для журналов.

Через пять минут после того, как входную дверь дома открыли, неприметное устройство на чердаке послало сигнал на телефонный аппарат, установленный в частной охранной фирме, располагавшейся в одиннадцати кварталах от жилища Силвы, в деловой части города. Но трубку никто не снял, так как дежурный мирно покачивался на улице в гамаке. Записанное на пленку сообщение должно было известить «бдительную» охрану о проникновении в дом постороннего. Прошло не менее пятнадцати минут, пока дежурный уловил доносившуюся из офиса трель звонка. К тому моменту когда охранник прибыл к дому Денило Силвы, неизвестный злоумышленник уже исчез. Хозяина на месте тоже не оказалось. В доме царил полный порядок, никто не посягнул и на стоявший под навесом во дворе «фольксваген». Дверь дома, ворота и калитка были заперты.

Оставленные клиентом инструкции на случай, если кто-то посягнет на его жилище, носили довольно специфический характер: полицию не вызывать, а в первую очередь попытаться установить местонахождение мистера Силвы. Если последнее сделать сразу окажется невозможным, необходимо позвонить в Рио-де-Жанейро и попросить к телефону Еву Миранду.

Едва сдерживая возбуждение, Гай связался с Вашингтоном и, прикрыв от удовольствия глаза, прошептал в трубку:

– Это он.

После продолжительной паузы из невообразимой дали донеслось:

– Вы уверены?

– Да. Отпечатки совпали полностью.

На то, чтобы собраться с мыслями, у Стефано обычно уходили доли секунды. Но на этот раз его молчание длилось довольно долго.

– А что известно о деньгах? – наконец задал он следующий вопрос.

– Мы пока не приступали. Клиент находится под действием наркотика.

- Так когда же ждать новостей?
- Вечером.
- Я буду у телефона.

Несмотря на то что Стефано очень хотелось узнать подробности завершения охоты, он заставил себя положить трубку.

Гай сидел позади хижины, на невысоком пне, наслаждаясь природой: кругом буйство зелени, а воздух чистый и прохладный. До него долетали спокойные, умиротворенные голоса партнеров. Сложнейшее задание было выполнено. Самая важная его часть по крайней мере.

Отлично. Минуту назад Гай заработал пятьдесят тысяч долларов. А информация о том, где деньги, гарантирует новое вознаграждение.

Гай был уверен, что получит его.

Глава 2

Рио. Деловая часть города.

Сидевшая в небольшом уютном офисе на десятом этаже небоскреба Ева Миранда обеими руками стиснула телефонную трубку и медленно повторила только что услышанное сообщение. По сигналу тревоги в дом мистера Силвы прибыл охранник. Хозяин отсутствовал, однако его машина стояла на месте, а входная дверь была заперта.

В дом явно кто-то заходил, отчего система и сработала. Посланный ею сигнал не мог быть ложным: датчик оставался включенным и после прибытия охранника.

Денило поблизости не оказалось. Может, он отправился на пробежку, забыв переключить сигнализацию? По словам охранника, телефонный звонок в его конторе раздался чуть больше часа назад. Но ведь Денило пробегал свою дистанцию меньше чем за час: семь или даже восемь минут, умноженные на шесть километров, никак не могут стать часом. Несомненно, Силва должен был вернуться раньше. Куда-то поехать он не мог. Иначе бы Ева об этом знала.

Она позвонила в дом на улице Тирадентис, но трубку никто не снял. Тогда Ева набрала номер сотового телефона, который Денило иногда брал с собой, но никто не отозвался.

Три месяца назад уже был случай, когда Денило неосторожно включил сигнализацию, в результате и он, и она до смерти испугались. Однако ее телефонный звонок быстро разрешил недоразумение. Обычно же Силва очень серьезно относился к вопросам безопасности, он не мог допустить ошибку вновь. Слишком многое было поставлено на карту.

Ева снова попробовала оба номера. Никакого ответа. Но ведь существует же какое-то объяснение этому, твердила она себе.

Она позвонила на квартиру в Куритибе – столице штата Парана, городе с полутора-миллионным населением. Об этой квартире знали только они с Денило. Снятая под чужим именем, она использовалась в качестве камеры хранения, и лишь изредка, от случая к случаю они приезжали туда, чтобы провести вместе уик-энд.

Ева не рассчитывала получить ответ на свой звонок, так и вышло – трубку никто не снял. Денило никогда не отправился бы туда, не сообщив об этом Еве заранее.

Звонить куда-либо еще не имело смысла.

Она заперла дверь кабинета и прислонилась к ней, прикрыв глаза. Из коридора доносились мужские и женские голоса – в их фирме работали тридцать три юриста, почти у каждого имелась секретарша. Фирма была второй по величине в Рио и располагала отделениями в Сан-Паулу и Нью-Йорке. Телефонные звонки, шуршание выползающей из факсов бумаги и негромкий гул работающего ксерокса сливались в привычный уху нестройный хор.

В тридцать один год Ева была опытным сотрудником фирмы с пятилетним стажем. Она привыкла к изнурительной многочасовой работе и приходам в офис по субботам. Фирмой руководили четырнадцать партнеров, среди которых только два были женщинами. Ева давно исполнилась решимости изменить это соотношение. Среди юристов насчитывалось уже десять представительниц прекрасного пола – свидетельство того, что в Бразилии, как и в Штатах, женщины быстро завоевывали позиции в этой когда-то почти исключительно мужской профессии. Юриспруденцию Ева изучала в Католическом университете Рио-де-Жанейро, лучшим, по ее мнению, в стране. Отец Евы все еще преподавал там философию.

Это по его настоянию дочь по окончании университета отправилась в Джорджтаун, чтобы заняться углубленным изучением юридических наук. Отец считал Джорджтаун своей альма-матер. Его авторитет вкупе с солидным резюме Евы, ее ошеломляющей красотой и превосходным английским сделал для нее продвижение по служебной лестнице в престижной фирме простым и коротким.

Приказав себе расслабиться, она подошла к окну. Нельзя было терять ни минуты, а то, что предстояло сделать, требовало максимального внимания. А затем ей нужно будет исчезнуть. Через полчаса должна состояться встреча с важным клиентом, но теперь ее придется отменить.

Папка лежала в небольшом несгораемом ящике. Ева еще раз прочла разработанные вместе с Денило инструкции.

Он знал, что рано или поздно его найдут. Она же предпочитала не думать о такой возможности. Мысли Евы вернулись к Денило: что с ним? Где он сейчас?

Внезапно раздавшийся телефонный звонок заставил Еву вздрогнуть. Но это был не Силва – секретарша сообщила о приходе клиента. Что-то он рановато.

– Извинитесь перед ним, – сказала Ева секретарше, – и перенесите встречу на другой день. И больше меня не беспокойте.

Деньги находились в двух местах: часть суммы в одном из панамских банков, другая – в офшорной акционерной компании на Бермудах. Первый документ, вложенный в факс и адресованный банку в Панаме, был распоряжением немедленно перевести всю сумму на счет, открытый в банке в Антигуа. Согласно второму факсу, отправленному уже в Антигуа, сумму надо было разбить на три части, которые следовало поместить в три различных банка на острове Большой Кайман. Деньги, хранившиеся на Бермудах, в соответствии с третьим факсом компания должна была в срочном порядке перевести на Багамы.

Почти два часа дня. Но это здесь, в Рио. Европейские же банки пока закрыты. Значит, в течение нескольких часов, до того как Европа проснется, ей придется перебрасывать деньги из одного карибского банка в другой.

Инструкции были четкими, но носили лишь общий характер. Детали Денило оставил на ее личное усмотрение. Пути перемещения денег Ева определяла сама, и она же решала, в какой именно банк и какую сумму направить. Она составила список названий вымышленных компаний, от имени которых действовала. Списка этого Денило никогда не видел. Ева делила, дробила суммы на части, посылала их в одну точку, чтобы тут же переслать в другую. Эту операцию они с Денило обсуждали множество раз.

Силва не мог знать, куда в конце концов уйдут деньги. Об этом будет известно только ей, Еве. В сложившихся исключительных обстоятельствах она с непоколебимой уверенностью делала то, что считала единственно правильным. Ева специализировалась по торговому законодательству: большинство ее клиентов были бразильскими бизнесменами, стремившимися расширить экспорт продукции в США и Канаду. Она прекрасно разбиралась в особенностях международного рынка, валютах и банковском деле. А специфике игры с деньгами, которую приходилось вести в данный момент, ее обучил Денило.

Ева бросила взгляд на циферблат – после звонка из Понта-Пору прошло более часа.

Запустив в факс очередной лист, она услышала звонок. Ну конечно же, это Денило! Сейчас он расскажет ей какую-нибудь дикую историю, и она успокоится. Вполне возможно, он просто решил устроить генеральную репетицию, захотел посмотреть, как она будет действовать в критической ситуации. Что ж, пусть убедится: она отлично справляется.

Но в трубке Ева услышала голос партнера фирмы, обеспокоенного ее отсутствием на совещании. Она вежливо извинилась и вновь повернулась к факсу.

Несмотря на профессиональное самообладание, Ева начинала испытывать всевозрастающее напряжение. Вестей от Денило так и не было, на ее звонки никто не отвечал. Если до него и в самом деле добрались, то эти люди не станут медлить и колебаться в выборе средств, чтобы заставить его говорить. Именно этого Силва опасался более всего. И именно поэтому ей предстояло бежать.

Полтора часа. Ева ощутила, как на плечи невероятной тяжестью навалилась реальность. Денило исчез, а ведь он никогда не покидал дом, не предупредив ее. Его действия и

поступки отличались редкой продуманностью, он постоянно чувствовал нависшую над ним угрозу. Увы, худшие их предчувствия, похоже, оправдались, причем поразительно быстро.

Из установленного в вестибюле телефона-автомата Ева сделала два звонка. Первый – управляющему домом, в котором она жила в Леблоне, южном районе Рио, там селились наиболее состоятельные горожане. Не заходил ли к ней кто-нибудь? Не спрашивал ли ее? Нет.

Затем она набрала номер отделения ФБР в Билокси, штат Миссисипи. Пытаясь говорить как можно спокойнее, без акцента, она объяснила дежурному, что ее дело не терпит отлагательств.

Путь назад был отрезан.

Денило нашли. Прошлое все же настигло его.

– Алло, – раздался в трубке голос настолько четкий, будто собеседник находился в соседнем доме.

– Агент ФБР Джошуа Каттер?

– Да.

Последовала краткая пауза.

– Это вы занимаетесь расследованием дела Патрика Лэнигана? – Ева отлично знала, что это именно так.

Теперь заминка на противоположном конце провода.

– Да. С кем я говорю?

Они смогут проследить звонок до Рио, на это уйдет примерно три минуты. Но потом им придется иметь дело с городом, где проживают десять миллионов человек. И все же Ева нервно оглянулась по сторонам.

– Я звоню из Бразилии, – сказала она в соответствии с инструкцией. – Патрика схватили.

– Кто? – спросил Каттер.

– Я назову вам одно имя.

– Слушаю. – В его голосе зазвенело напряжение.

– Джек Стефано. Знаете такого?

Новая пауза.

– Нет. Кто это?

– Частный детектив из Вашингтона. Он занимался поиском Патрика последние четыре года.

– Значит, если я правильно вас понял, он нашел его?

– Да. Точнее, его люди.

– Где?

– Здесь, в Бразилии.

– Когда?

– Сегодня. Думаю, Патрика могут убить.

Минутное молчание в трубке.

– Что еще вы можете мне сообщить? – спросил Каттер.

Ева продиктовала номер washingtonского телефона Стефано, повесила трубку и вышла на улицу.

Гай внимательно просмотрел прихваченные в доме Денни бумаги, отметив, что их пленник был чрезвычайно аккуратен и не оставил никаких следов. В ежемесячной выписке со счета в местном банке фигурировала сумма в три тысячи долларов. Это были совсем не те деньги, которые их интересовали. На срочном вкладе лежало и того меньше – тысяча восемьсот. Расходы за месяц составили почти тысячу долларов. Денни вел весьма скромный

образ жизни. Счета за телефон и электричество были еще не оплачены, другие, помельче, он успел погасить.

Один из парней Гая проверил все телефонные номера из записной книжки Силвы, но не нашел ничего интересного. Другой изучил жесткий диск компьютера и убедился, что Денни никак нельзя было назвать хакером – записанная информация в основном представляла собой подобие дневниковых записей о приключениях Силвы в малоисследованных районах Бразилии. Последний раз данные вносились чуть ли не год назад.

Мизерное количество бумаг само по себе вызывало подозрения. Выписка со счета? Но какому идиоту потребуется хранить в доме только одну выписку за один-единственный месяц? А как насчет предыдущего? Значит, у Денни был тайник вне дома. Что ж, это вполне соответствует образу жизни человека, пребывающего в бегах.

С наступлением сумерек Денни, так и не пришедшего в себя, раздели почти догола, оставив на теле только трусы. Освобожденные от грязных кроссовок и носков ступни светились в темноте первозданной белизной. Затем его приподняли и положили на кровать, на лист фанеры толщиной около двух сантиметров. В листе были проделаны отверстия для веревок. Нейлоновый шнур надежно зафиксировал щиколотки, колени, торс и руки. Лоб перехватила черная полоса клейкой ленты. Прямо над лицом со штатива свешивалась капельница, откуда к левому запястью протянулась прозрачная трубка.

Новый укол должен был нейтрализовать наркотик. Натужное дыхание Денни стало ровнее. Наконец его покрасневшие глаза раскрылись. Ему потребовалось некоторое время, чтобы понять: болтающийся над головой пластиковый мешок – это не что иное, как медицинская капельница. Затем в круг зрения попал бразилец, который молча воткнул в левую руку Денни иглу шприца, наполненного какой-то жидкостью. Это был тиопентал натрия – довольно жесткое средство, используемое иногда, чтобы развязать человеку язык. Наилучший эффект препарат оказывал на тех, кому подсознательно хотелось признаться хоть в чем-нибудь. Формула идеальной вакцины правды пока еще не открыта химиками.

Прошло десять минут. Денни безуспешно попытался повернуть голову. Он видел очень мало. В комнате царил полумрак, только где-то в углу горел слабый свет.

Распахнулась и закрылась дверь. Шаги.

Гай вошел один. Подойдя к Денни, он протянул руку и коснулся листа фанеры.

– Привет, Патрик.

Лэниган закрыл глаза. Денило Силва ушел в прошлое, исчез навсегда. Ощущение было такое, будто его покинул старый и надежный друг. Далеко позади осталась простая, спокойная жизнь на улице Тирадентис. Только что прозвучавшее приветствие, доброжелательное и приятное, сорвало ставший привычным и столь ценимый покров анонимности. «Привет, Патрик».

За минувшие четыре года он не раз пытался представить, как это все произойдет, когда они найдут его. Будет ли это чувство облегчения? Или ощущение справедливого возмездия? Взволнует ли его перспектива вернуться домой, чтобы сыграть последнюю сцену?

Все это оказалось чушью. В данный момент Патрик не испытывал ничего, кроме животного страха. Голый, привязанный к листу фанеры подобно пойманному зверю, он сознавал, что ему предстоит перенести жесточайшие муки.

– Ты слышишь меня, Патрик? – Гай склонился к кровати.

В ответ Патрик улыбнулся, но не потому, что ему хотелось этого, – подсознание, не считаясь со здравым смыслом, находило ситуацию в чем-то забавной.

«Препарат начинает действовать», – мысленно отметил Гай. Тиопентал натрия относится к разряду барбитуратов, которые оказывают довольно кратковременный эффект и должны применяться с особой осторожностью. Весьма трудно нащупать тот уровень сознания, при котором человек окажется в состоянии отвечать на вопросы. Недостаточная доза

не сможет сломить внутреннее сопротивление допрашиваемого, избыточная – повергнет в кому.

Вновь открылась и закрылась дверь. Появился еще один американец, однако Патрик его не видел.

– Ты проспал три дня, Патрик, – сказал Гай. На самом деле около пяти часов, но откуда Патрику знать об этом? – Может, ты хочешь есть или пить?

– Пить.

Открыв пластиковую бутылку, Гай осторожно, тонкой струйкой стал лить минеральную воду в рот пленнику.

– Спасибо. – Губы Патрика вновь растянулись в улыбке.

– Ты голоден?

– Нет. Чего вы от меня хотите?

Гай медленно поставил бутылку на стол и склонился к Лэнигану.

– Патрик, давай с самого начала уясним следующее. Пока ты спал, мы сняли отпечатки твоих пальцев. Нам совершенно ясно, кто ты. Может, обойдемся без ненужных формальностей?

– Кто же я?

– Патрик Лэниган.

– Откуда?

– Билокси, штат Миссисипи. Родился в Новом Орлеане. Окончил юридический колледж. Женат, у тебя есть шестилетняя дочь. И ты четыре года числишься в розыске.

– В точку. Да, это я.

– Скажи, Патрик, ты и в самом деле присутствовал на собственных похоронах?

– Это – преступление?

– Нет. Всего лишь слух.

– В таком случае – да. Я наблюдал со стороны. Трогательное было зрелище. Я и не знал, что у меня столько друзей.

– Замечательно. А где ты прятался после своих похорон?

– То здесь, то там.

Слева сзади на лицо Патрика упала тень, и чья-то рука повернула кран капельницы.

– Что в ней? – поинтересовался он.

– Коктейль, – ответил Гай, кивнув другому мужчине, отошедшему в угол. – Где деньги, Патрик? – спросил он с улыбкой.

– Какие деньги?

– Те самые, что ты прихватил с собой.

– Ах это... – Последовал глубокий вдох, затем глаза Патрика закрылись, тело расслабленно обмякло. Через несколько секунд дыхание сделалось медленным и ровным.

– Патрик! – Гай осторожно потряс его руку, но Лэниган уже спал.

Уменьшив дозу, они стали ждать.

Найти фэбээровское досье на Джека Стефано не составило большого труда. Бывший высококлассный детектив чикагской полиции, доктор криминологии, снайпер, отлично управлявшийся с любыми видами огнестрельного оружия, разведчик-самоучка и следопыт, он стал владельцем неприметной вашингтонской фирмы, не стеснявшейся требовать с клиентов астрономические гонорары за розыск интересующего их человека или проведение постоянного и плотного наблюдения за ним.

Папки с материалами на Патрика Лэнигана занимали восемь ящиков. Людей, которым хотелось установить, где он, и вернуть домой, было немало. Именно с этой целью они и наняли Джека Стефано.

Его фирма «Эдмунд ассошиэйтс» размещалась на верхнем этаже безликого здания на Кей-стрит, в шести кварталах от Белого дома. Двое агентов ФБР остались ждать в вестибюле, у лифта, двое других поднялись в офис Стефано, где суровая секретарша попыталась убедить их, что ее босс сейчас слишком занят.

Они обнаружили Стефано в полном одиночестве – он весело болтал по телефону. Увидев значки агентов ФБР, хозяин кабинета мгновенно перестал счастливо улыбаться.

– Какого черта! – возмутился он.

На стене, позади стола Стефано, висела большая карта мира с крошечными мигающими красными лампочками на зеленых континентах. Под какой из них, интересно, скрывался Патрик?

– Кто нанял вас для розыска Патрика Лэнигана? – спросил один из агентов.

– Подобная информация конфиденциальна, – снисходительно бросил в ответ Стефано. Бывшего полицейского трудно было запугать.

– Мы получили сегодня сообщение из Бразилии, – сказал второй агент.

«Как и я», – подумал Стефано, изумленный услышанным. Он старательно пытался скрыть удивление. Удавалось это с трудом: его нижняя челюсть чуть отвисла, плечи опустились, мозг лихорадочно искал ответ на вопрос: «Что привело сюда этих типов?» Ведь он разговаривал лишь с Гаем, а на него можно положиться. Гай ни с кем не будет это обсуждать, тем более с парнями из ФБР. Нет, кто угодно, только не Гай.

Он связался с вашингтонской конторой откуда-то из гористой местности на юге Парагвая по сотовому телефону. Перехватить или подслушать их разговор было невозможно.

– Вы нас слышите? – издевательски спросил второй агент.

– Да. – Это было правдой лишь отчасти.

– Где Патрик? – задал вопрос первый фэбээровец.

– В Бразилии, вероятно.

– Где именно в Бразилии?

Стефано вяло пожал плечами:

– Не знаю. Бразилия – большая страна.

– У нас давно выписан ордер на его арест. Лэниган – наш человек.

Стефано снова пожал плечами, уже более небрежно, как бы говоря: «Ну и что?»

– Он нам нужен. И побыстрее.

– Ничем не могу помочь.

– Ложь! – рявкнул первый агент.

Фэбээровцы придвинулись к столу вплотную. Инициативу взял на себя второй:

– Наши люди находятся в вестибюле, на улице вокруг здания и рядом с вашим домом в Фоллз-Черч. Мы будем следить за каждым вашим шагом с этой минуты и до того момента, пока Лэниган не окажется у нас.

– Вот и прекрасно. А теперь можете идти.

– Не вздумайте причинить ему хоть какой-нибудь вред, ясно? Если с парнем что-то случится, ваша задница окажется на очень горячей сковороде.

После того как они вышли, Стефано запер дверь на ключ. Окон в кабинете не было. Он подошел к карте. На просторах Бразилии горели три красные точки. В полном недоумении Стефано покачал головой.

Сколько денег и времени потрачено на то, чтобы замести следы!

В определенных кругах фирма Стефано пользовалась репутацией весьма ловкой конторы, где берут деньги и с легкостью уходят с ними от клиента в тень, точнее говоря, в туман. Никогда прежде такого прокола у Джека не было.

Никто и представления не имел о том, за кем Стефано охотился.

Глава 3

Еще одна инъекция, чтобы привести Патрика в себя. Тут же другая, обостряющая чувствительность нервных окончаний.

С громким звуком распахнулась дверь, и комнату залил яркий свет. Послышались голоса мужчин, сотрясавших, как казалось Патрику, своей тяжелой поступью пол. Гай отдавал приказы, кто-то повторял их по-португальски.

Лэниган открыл и тут же закрыл глаза. Затем под действием впрыснутого возбуждающего препарата веки его вновь поднялись. Над ним склонялись какие-то люди, по телу шарили чьи-то руки. Прикрывавший его последний клочок ткани был без излишних церемоний сорван. Став абсолютно голым, Патрик остро ощутил свою незащищенность. Зажужжала электробритва, удаляя волосы с груди, паха, бедер и икр. Его лицо с прикушенными губами исказила гримаса, хотя боль еще не пришла.

Приблизился Гай. Руки он держал за спиной, его внимательные глаза замечали каждую мелочь.

Патрик даже не сделал попытки издать хоть звук, но для пушей уверенности протянувшаяся откуда-то сбоку рука залепила его рот куском широкой серебристой изоляционной ленты. Острыми холодными зубцами в кожу на выбритых участках впились электроды, и до слуха донеслось произнесенное кем-то слово «ток». Той же серебристой лентой прикрепили и электроды. По подсчетам Патрика, не менее восьми. Может, девять. Нервы его были на пределе. Провалившись на мгновение в темноту, он продолжал ощущать прикосновения чужих пальцев. Липкая лента неприятно стягивала кожу.

Двое или трое человек возились в углу с каким-то невидимым Патрику аппаратом. Тянувшиеся от него разноцветные провода опутали его тело, как электрическая гирлянда новогоднюю елку.

«Но ведь они не собираются убивать меня», – твердил себе Патрик, хотя знал, что очень скоро смерть покажется ему бесконечно желанной. За последние четыре года он представлял себе эту неправдоподобно чудовищную картину тысячи раз. Он молил Господа, чтобы стремительно надвигающаяся расплата миновала его, зная, что рано или поздно его найдут. Он постоянно чувствовал незримое присутствие чьих-то теней, людей, следящих за ним, покупавших у продажных чиновников информацию о нем, не оставлявших неперевернутым ни один камень.

Он всегда знал, что его ждет. Ева была слишком наивной.

Патрик прикрыл глаза, стараясь дышать как можно ровнее, пытаясь контролировать внезапно нахлынувшие мысли, готовя себя к тому, что предстояло вынести. От последнего укола бешено подскочил пульс, кожа зудела.

«Я не знаю, где деньги. Мне ничего не известно о том, где они могут быть!» Еще немного – и он начнет декламировать эти фразы, запоет их. Слава Создателю, что рот залеплен отвратительной изоляцией. «Я не знаю, где находятся деньги».

Он звонил Еве каждый день, между четвертью и шестью вечера. Каждый день. Семь раз в неделю. Никаких исключений, кроме тех, что были оговорены заранее. В глубине души Патрик, несмотря на смятение, понимал: Ева уже переместила деньги, теперь они надежно спрятаны, разбросаны по всему миру. Он и в самом деле не знал, где именно.

Но захотят ли они поверить ему?

Вновь хлопнула дверь, из комнаты вышли двое. Суета вокруг его фанерного ложа понемногу стихла. В полной тишине Патрик раскрыл глаза. Висевшая над головой капельница исчезла. Вместо нее он увидел лицо склонившегося к кровати Гая. Мягким движением тот

освободил левый угол рта Патрика от ленты, чтобы дать своей жертве возможность говорить, если у пленника вдруг возникнет такое желание.

– Спасибо, – поблагодарил Лэниган.

Зашедший с левой стороны бразилец в белом халате – врач? – вонзил в руку Патрика иглу шприца, длинный цилиндр которого наполняла на этот раз всего лишь подкрашенная вода, – но откуда об этом знать их пациенту?

– Где деньги, Патрик? – задал первый вопрос Гай.

– У меня нет никаких денег.

От жесткой фанеры противно ныл затылок. Черный скотч на лбу жег кожу. В полной неподвижности Лэниган провел уже несколько часов.

– И все-таки ты скажешь, Патрик, обещаю тебе. Можешь сделать это сейчас либо часов через десять, когда превратишься в полутруп. Выбирай, что тебя больше устроит.

– Я вовсе не горю желанием отправиться на тот свет, о'кей?

В глазах его плясал страх.

«Но ведь они не убьют меня, нет!»

Откуда-то сбоку Гай достал и поднес к лицу Патрика небольшую омерзительную в своей простоте вещицу. Она оказалась не чем иным, как миниатюрным, поблескивавшим хромом рубильником с покрытой черной резиной рукояткой. Рубильник крепился на аккуратной квадратной коробочке, от которой отходили два тонких проводка.

– Взгляни-ка, – предложил Гай таким тоном, будто у Патрика был выбор. – Когда я поднимаю рукоятку, цепь размыкается. – Гай осторожно сжал резиновый наконечник большим и указательным пальцами и плавно повел вниз. – Но когда она опускается и касается крошечных контактов в коробочке, по проводам начинает бежать ток, который очень быстро достигнет электродов на твоей коже.

Рукоятка остановилась. Вдохнув, Патрик забыл сделать выдох. В комнате воцарилась полная тишина.

– Хочешь увидеть, что произойдет, когда ток добежит до электродов?

– Нет.

– В таком случае – где деньги?

– Я не знаю. Клянусь.

Гай решительно до упора опустил вниз находившуюся в двадцати сантиметрах от лица Патрика рукоятку. Удар тока был мгновенным и ужасающим по своей силе – в тело будто впились тысячи раскаленных гвоздей. От электрического разряда пленник дернулся так, что нейлоновые веревки едва выдержали. Патрик закрыл глаза и из последних сил стиснул зубы, пытаясь сдержать рвущийся из нутра вопль, однако через долю секунды боль перешла все мыслимые пределы, и раздавшийся в комнате нечеловеческий крик выплеснулся за стены хижины.

Гай поднял рукоятку рубильника, подождал несколько секунд, пока к Патрику вернется дыхание и он сможет открыть глаза.

– Это была позиция номер один, с самой низкой величиной тока. Всего таких позиций пять. При необходимости мы последовательно пройдем их все. Восемь секунд на последней убьют тебя, Патрик. Ты слышишь меня?

Плоть горела, мускулы, от груди до самых щиколоток, казалось, дымились. Сердце прыгало, из легких с яростным хрипом рвался воздух.

– Ты слышишь, Патрик? – повторил Гай.

– Да.

– Ситуация, по сути, весьма простая. Скажи, где деньги, и ты покинешь эту комнату живым. Мы даже вернем тебя в Понта-Пору, где ты сможешь вести прежнюю жизнь. Сообщать о тебе ФБР в наши планы не входит. – Поигрывая хромированной рукояткой, Гай выдер-

жал театральную паузу. – В противном же случае, если откажешься сообщить мне, где спрятаны деньги, тебе придется остаться здесь навсегда. Понимаешь, Патрик?

– Да.

– Отлично. Где деньги?

– Клянусь, мне это неизвестно. Если бы я знал, то сказал бы.

Рубильник опустил, погрузив тело в кипящую кислоту.

– Я не знаю! – прокричал Патрик. – Клянусь!

Гай поднял рукоятку и вновь дал Лэнигану время прийти в себя.

– Где деньги? – спокойно повторил он вопрос.

– Клянусь, не знаю.

Новый леденящий душу вопль заполнил хижину и, вырвавшись через открытое окно, эхом отразился от склонов холмов, чтобы через минуту затеряться в густых джунглях.

От района Куритибы, где они снимали квартиру, было совсем недалеко до аэропорта. Ева попросила таксиста подождать ее у дома. Дорожную сумку она оставила в багажнике и прихватила с собой лишь объемистый портфель.

Поднявшись на девятый этаж, она вышла из лифта в тихий неосвещенный холл. Было почти одиннадцать вечера. Двигалась Ева медленно, внимательно оглядываясь по сторонам. Открыв дверь, тут же отключила сигнализацию.

Денило в квартире не оказалось, и, несмотря на то что это не стало для Евы неожиданностью, она ощутила разочарование. Не было ни одного сообщения и на автоответчике. Беспокойство ее достигло предела.

Долго оставаться в квартире Ева не имела права, так как захватившие Денило люди могли нагрянуть сюда в любой момент. Хотя она превосходно знала, что необходимо делать, все движения были замедленными, словно вынужденными, но и при этом осмотр всех трех комнат не занял много времени.

Нужные бумаги хранились в запертом стеллаже в кладовой. Ева выдвинула три тяжелых металлических ящика и переложила все, что там лежало, в небольшой элегантный, прекрасной кожи, чемодан, предусмотрительно оставленный Денило рядом. Кипа папок с различными финансовыми документами, которых было в общем-то немного для такой сумасшедшей суммы денег. Силва старался оставлять как можно меньше следов. Раз в месяц он приезжал сюда, чтобы пополнить папки новой документацией и уничтожить старую.

Ева включила панель сигнализации и торопливо вышла из квартиры, так и не встретив ни одного соседа. В деловой части города, поблизости от Музея современных искусств, она нашла маленькую гостиницу и сняла номер. Азиатские банки открыты, а в Цюрихе уже почти четыре часа дня. Ева достала из портфеля компактный факс и подключила его к телефонному гнезду. Через несколько минут постель в номере засыпали инструкции и распоряжения банкам.

Наваливалась усталость, но о сне не могло быть и речи. Силва предупреждал, что эти люди наверняка начнут разыскивать и ее. Путь домой отрезан. Механически вставляя в факс очередной лист, Ева думала не о деньгах, а о Денило. Жив ли он? Если да, то какие мучения сейчас испытывает? Как много его заставили рассказать и какой ценой?

Она вытерла струившиеся по щекам слезы и принялась собирать бумаги. Времени плакать не было.

Лучшие результаты пытка приносит на третий день. В конце концов не выдерживают и ломаются даже самые стойкие натуры. Боль проходит; жертва с ужасом начинает ждать нового сеанса. Три дня – и большинство упрямец забывают о гордости, превращаясь в жалкое подобие людей.

Но трех дней в распоряжении Гая не было. Его добыча не захваченный на поле боя пленный – Гаю приходилось иметь дело с гражданином Соединенных Штатов, объявленным ФБР в международный розыск.

Около полуночи Патрика оставили на несколько минут в одиночестве – пусть отойдет немного от боли и подумает об очередном раунде. Тело его было мокрым от пота, ставшая ярко-красной кожа нестерпимо горела. Из-под куска серебристой ленты на груди сочилась кровь: прижатый слишком сильно электрод прожег кожу до мышц. Рот судорожно хватал воздух, попытка провести пересохшим языком по запекшимся губам не принесла никакого облегчения. Нейлоновые веревки до крови стерли запястья и лодыжки.

Вернувшись в комнату, Гай поставил рядом с листом фанеры стул и уселся. Какое-то время тишину в комнате нарушало лишь хриплое дыхание крепко смежившего веки Патрика.

– А ты на редкость упрямый, – наконец бросил Гай.

Молчание.

Первые два часа пытки не принесли ровным счетом ничего. Все вопросы касались только денег. Он не знает, где они находятся, раз за разом звучал один и тот же ответ. Но деньги эти существуют? Нет, выкрикивал он. Что с ними случилось? Он не знает.

Опыт Гая в проведении пыток был весьма ограниченным. Он консультировался у эксперта – настоящего извращенца со сдвинутой психикой, наслаждавшегося причиняемой им болью. Гай читал специальное руководство, однако времени для практических занятий у него не было.

Сейчас, когда Патрик понял, как далеко они могут зайти, было очень важно попробовать разговорить его.

– Где ты находился во время похорон? – поинтересовался Гай.

Мышцы Патрика едва заметно расслабились. В конце концов, речь ведь идет не о деньгах. Несколько секунд он колебался. Какой, собственно говоря, может быть вред от ответа? Все равно он у них в руках, и часы его, похоже, сочтены. Но если не раздражать мучителей понапрасну, не отключат ли они ток?

– В Билокси.

– Прятался?

– Естественно.

– Наблюдая за тем, как твой гроб опускают в могилу?

– Да.

– Откуда?

– Я забрался с биноклем на дерево. – Глаза Патрика были по-прежнему закрыты, кулаки судорожно сжаты.

– Куда ты направился после похорон?

– В Мобил¹.

– Там находилось твое убежище?

– Да, одно из них.

– И долго ты там пробыл?

– Пару месяцев.

– Немало. Где именно в Мобиле ты жил?

– В дешевых мотелях. Приходилось много ездить. Исколесил все побережье залива: Дестин, пляжи, затем назад в Мобил.

– Ты изменил внешность.

– Да. Сбрил усы, перекрасил волосы, сбросил двадцать килограммов.

¹ Город на юго-западе штата Алабама. – Здесь и далее примеч. пер.

- И выучил иностранный язык?
- Португальский.
- Значит, ты уже тогда знал, что поправишься сюда?
- Куда «сюда»?
- Ну, скажем, в Бразилию.
- Да, мне казалось, это неплохое место.
- Куда ты выехал из Мобила?
- В Торонто.
- Почему Торонто?
- Но ведь куда-то мне же нужно было ехать. Канада – прекрасная страна.
- И в Торонто ты выправил себе новые документы?
- Да.
- Став Денило Силвой?
- Да.
- И ты продолжил там изучать язык?
- Да.
- И еще немного похудел?
- На двенадцать килограммов. – Не открывая глаз, Патрик пытался не думать о боли, не обращать на нее внимания. Наибольшие мучения доставлял ему электрод на груди.
- Сколько времени ты пробыл в Торонто?
- Три месяца.
- Выходит, до июля девяносто второго?
- Что-то вроде того.
- А потом?
- Португалия.
- Почему Португалия?
- А почему бы и нет? Там красиво, к тому же я ни разу там не был.
- Долго ты жил в Португалии?
- Около двух месяцев.
- Что было потом?
- Сан-Паулу.
- Почему?
- В нем двадцать миллионов жителей. Лучшего места, чтобы спрятаться, и не придумаешь.
- И ты пробыл там...
- Год.
- Расскажи, чем ты все это время занимался.
- Патрик сделал глубокий вдох и попытался шевельнуть лодыжками, отчего лицо его исказила гримаса. Он мысленно приказал мышцам расслабиться.
- Я затерялся в огромном городе. Нашел преподавателя и довольно скоро в совершенстве овладел языком. Сбросил еще несколько килограммов. Постоянно менял адреса.
- А что ты делал с деньгами?
- Пауза. Мышцы вновь напряглись. Где этот дьявольский хромированный рубильник? Ну почему бы им не продолжить болтовню о бегах и погонях, не затрагивая темы денег?
- С какими деньгами? – Патрик постарался вложить в этот вопрос все свое отчаяние.
- Брось, Лэниган! С девятью десятками миллионов, что ты украл у своей фирмы и ее клиента.
- Я уже говорил, вы ошиблись. Я не тот, кто вам нужен.

Резко повернувшись к двери, Гай что-то крикнул, и в комнату тут же вошли его подручные. Врач-бразилец вогнал в вену Патрика два кубика жидкости и вышел. Американцы принялись возиться вокруг аппарата в углу. Кто-то включил магнитофон. Держа в руке коробочку с вертикально поднятым рубильником, Гай со злобной усмешкой склонился над Патриком. Он был исполнен решимости покончить с пленником, если тот не заговорит.

– Деньги были переведены на офшорный счет твоей фирмы в банке Нассо в десять пятнадцать по Гринвичу двадцать шестого марта тысяча девятьсот девяносто второго года, через сорок пять дней после твоей смерти. В это время ты был там, Патрик. Загорелый мужчина в расцвете лет – у нас есть твои снимки, сделанные установленной в банке камерой. В твоём распоряжении имелись великолепно сработанные бумаги, и очень скоро после того, как деньги прибыли в банк, они исчезли. Кто-то перевел их на Мальту. Это ведь был ты, Патрик. Ты украл их. Так где же они сейчас? Скажи мне, и ты останешься жить.

Патрик бросил последний взгляд на Гая, затем на смертоносный рубильник, вновь закрыл глаза и из последних сил прошептал:

– Я клянусь, что не знаю, о чем вы говорите.

– Патрик, Патрик...

– Не делайте этого! Прошу вас!

– Это только третья позиция, Патрик. Ты прошагал лишь половину пути.

Гай опустил рукоятку, наблюдая за тем, как дрогнуло и забилось в конвульсиях обнаженное тело.

Легкие Патрика исторгли леденящий душу вопль, от которого у расположившихся на крыльце вместе с Осмаром бразильцев волосы встали дыбом. Разговор оборвался. Кое-кто беззвучно повторял слова молитвы.

У пыльной дороги, в сотне метров от хижины, с карабином в руке сидел на посту еще один бразилец. Движения по дороге не было никакого: ближайший населенный пункт находился в нескольких километрах. Услышав жуткий вопль, краткую молитву прочитал и он.

Глава 4

После четвертого или пятого звонка, сделанных от соседей, миссис Стефано все же подошла к ограде. Джеку пришлось сказать ей правду: трое одетых в темные костюмы мужчин, прохаживавшихся рядом со стоящей напротив их дома машиной, – сотрудники ФБР. Джек объяснил жене причину их появления. Он открыл ей почти все, что касалось Патрика Лэнигана, тем самым серьезно нарушив профессиональную этику. Миссис Стефано не задала ему ни одного вопроса.

Ей не было никакого дела до того, чем муж занимается в офисе. Однако мнение соседей было для миссис Стефано далеко не безразлично. В конце концов, они живут в Фоллз-Черч, а люди здесь всегда найдут повод посудачить.

В полночь миссис Стефано отправилась в спальню. Джек дремал на диване в гостиной, каждые полчаса поднимаясь, чтобы в щелку между шторами посмотреть, что происходит на улице. Но к трем часам ночи, когда в дверь позвонили, его все-таки сморил сон.

Одернув фланелевую пижаму, Джек направился к двери. На пороге стояли четверо мужчин, в одном из которых он с первого взгляда узнал Гамильтона Джейнса, заместителя директора ФБР, второго человека в Бюро, жившего всего в трех кварталах от дома Стефано. Джейнс был членом того же гольф-клуба, что и Стефано, но познакомиться им не пришлось.

Джек предложил пришедшим расположиться в просторной гостиной. После официальных приветствий все уселись. Спустившаяся в махровом халате взглянуть на поздних гостей миссис Стефано, заметив, как строго одеты мужчины, торопливо ретировалась.

Разговор начал Джейнс:

– Мы продолжаем поиски Патрика Лэнигана. Нам известно, что в данное время он находится в руках ваших людей. Вы можете подтвердить или опровергнуть эту информацию?

– Нет. – Стефано был холоден как лед.

– У меня в кармане лежит ордер на ваш арест.

Лед начал таять. Джек обвел взглядом суровые лица агентов.

– В чем меня обвиняют?

– В укрытии человека, находящегося в розыске. В противодействии сотрудникам ФБР. Повод найти нетрудно, какая вам разница? Но мне вовсе не требуется, чтобы на вас повесили ярлык преступника. Мне достаточно лишь отправить вас за решетку и добраться до вашей конторы, а через нее – до каждого из ваших клиентов. На это уйдет около двадцати четырех часов. А обвинительные заключения можно будет составить позже в зависимости от того, получим мы Лэнигана или нет. Картина достаточно ясна?

– Да, вполне.

– Так где Лэниган?

– В Бразилии.

– Он нужен мне здесь. Немедленно.

Стефано не потребовалось много времени, чтобы расставить все по своим местам. В сложившихся обстоятельствах сдача Лэнигана будет шагом разумным и грамотным. Феды² найдут способ развязать ему язык. Давить на него примутся со всех сторон. Лэниган расскажет все.

Ну а потом Стефано предстоит ответить на шекотливый вопрос: каким образом кому-то удалось пронюхать, что он нашел этого типа?

² Так называют сотрудников ФБР.

– Ладно, согласен. Дайте мне сорок восемь часов, и я представлю вам Лэнигана при условии, что вы уничтожите этот дурацкий ордер и не будете предъявлять никаких обвинений.

– Договорились.

Воцарилось многозначительное молчание – обе стороны праздновали победу.

– Мне необходимо знать, где состоится передача, – наконец сказал Джейнс.

– Высылайте самолет в Асунсьон.

– В Парагвай? Почему не в Бразилию?

– Там у него есть друзья.

– Пусть будет так. – Джейнс прошептал что-то на ухо своему соседу, тот сразу направился к выходу. – Он еще не превратился в развалину? – прозвучал новый вопрос.

– Нет.

– Тем лучше. Если я увижу на нем хотя бы царапину, вам придется несладко.

– Мне необходимо позвонить.

Джейнс усмехнулся и обвел взглядом стены гостиной.

– Вы у себя дома.

– Телефон прослушивается?

– Нет.

– Можете поклясться в этом?

– Вы слышали мой ответ.

– Прошу извинить меня.

Пройдя через кухню, Стефано нашел в небольшой кладовке сотовый телефон и вышел с ним на задний двор, где в свете газового фонаря влажно поблескивала мокрая от росы трава. Через минуту он будет говорить с Гаем.

Крик оборвался в тот момент, когда охранявший фургончик бразилец услышал негромкую трель телефонного звонка. Трубка лежала в кабине водителя, откуда сквозь крышу уходила вверх пятиметровая антенна. Услышав английскую речь, бразилец направился в хижину.

Гай стремительно бросился к фургончику.

– Он говорит? – послышался в трубке голос Стефано.

– Кое-что. Начал раскалываться около часа назад.

– Что вы узнали?

– Деньги пока в банке, но ему неизвестно, в каком именно. Ими занимается женщина из Рио, юрист.

– Он назвал ее имя?

– Да. Сейчас мы наводим справки. В Рио у Осмара есть свои люди.

– Чего-нибудь еще от него можно добиться?

– Не думаю. Он уже почти труп, Джек.

– Немедленно прекратите все. Врач с вами?

– Само собой.

– Пусть он займется им. Доставьте Лэнигана в Асунсьон, и как можно быстрее.

– Но почему...

– Никаких вопросов. Не теряйте времени. На нас спустили целую свору федов. Делай, что я приказал, и проследи, чтобы он был в полном порядке.

– В полном порядке? Да последние пять часов я чего только не делал, почти убил его.

– Ты сделаешь так, как я сказал, Гай. Собери его хоть по кусочкам. Накачай наркотиками. И двигайся в сторону Асунсьона. Звони мне в начале каждого часа, ясно?

– Предельно.

– И разыщите женщину!

Голову Патрика осторожно приподняли, на губы его упала струйка холодной воды. После того как были перерезаны нейлоновые веревки, с измученной кожи очень медленно сняли серебристую ленту и электроды, тело освободили от проводов. Во время этой процедуры Патрик корчился от невыносимой боли и со стоном что-то бормотал – смысл бессвязных слов разобрать было невозможно. В локтевой сгиб в очередной раз вошла игла, только теперь с морфием, затем другая – с легким успокаивающим. Сознание Патрика затуманилось.

На рассвете Осмар был в Понта-Пору: он дожидался в аэропорту самолета, который к концу дня должен совершить посадку в Рио. Со своими людьми там он уже связался, пообещал за услугу хорошие деньги. Все они получили приказ немедленно выйти на улицы.

Прежде всего Ева позвонила отцу – сразу же после восхода солнца. Это время он обычно проводил на лоджии, читая газету и наслаждаясь чашечкой кофе. Отец жил в небольшой квартирке в Ипанеме, в трех кварталах от океанского берега. Построенный более тридцати лет назад дом считался одним из старейших в этом самом фешенебельном районе Рио. Жил отец один.

По голосу Евы он понял: возникли проблемы. Она уверяла, что все у нее в порядке, ей ничто не угрожает, но просто одному клиенту из Европы срочно потребовалась ее помощь, и в течение ближайших двух недель отцу она сможет только звонить. Конечно, она постарается делать это ежедневно. Кроме того, как объяснила Ева, клиент этот – человек весьма скрытный и недоверчивый, поэтому не стоит удивляться, если кто-то из посторонних попытается разузнать что-нибудь о ней и ее работе. Опасений для тревоги нет никаких: в международном бизнесе подобная практика – дело обычное.

У него возникло несколько вопросов, но он знал, что ответов на них все равно не получит.

Звонок партнеру, боссу Евы, дался с большим трудом. Она с актерским мастерством изложила заранее заготовленную историю, в которой, однако, были серьезные пробелы. Ева сказала, что вчера поздно вечером с ней связался новый клиент. Ее рекомендовал ему один американский юрист, с которым она вместе училась. Клиент предложил срочно вылететь в Гамбург, куда она и отправляется первым утренним рейсом. Сфера деятельности этого клиента – телекоммуникации и средства связи, он вынашивает планы расширения своего дела в Бразилии.

Поднятый звонком с постели, партнер сонным голосом попросил Еву перезвонить ему позже и более подробно изложить детали поездки.

Затем она набрала номер своей секретарши и, повторив тот же рассказ, велела отменить все встречи до ее возвращения.

Из Куритибы Ева вылетела в Сан-Паулу, где поднялась на борт аргентинского лайнера, следовавшего прямым рейсом до Буэнос-Айреса. Она первый раз воспользовалась новым паспортом, тем самым, что годом раньше помог сделать Денило. Паспорт хранился в их квартире вместе с такими же новенькими кредитными карточками и восемью тысячами американских долларов.

Теперь ее звали Лиа Перес; год рождения остался прежним, сменились только день и месяц. Эти детали были неизвестны Денило.

Немного успокоившись, Ева продолжала размышлять о том, что же все-таки случилось с Силвой. Во время пробежки его могли подстрелить бандиты, постоянно орудовавшие на дорогах, – подобное на Границе бывало часто. Его могли настичь тени прошлого: те, кто знал о деньгах, способны были захватить его, пытать, убить и закопать в непроходимых джунглях. Под пытками он, вполне возможно, заговорил. Значит, существует вероятность, что было упомянуто ее имя. Если в действительности так и произошло, то всю оставшуюся

жизнь ей придется провести в бегах. О подобном повороте событий Денило предупредил ее в самом начале. Но ведь он мог и промолчать, и тогда ей нечего опасаться.

Существует шанс, что Силва до сих пор жив. Он ведь неоднократно уверял: убивать его нет смысла. Его могут заставить молить о смерти, но цена убийства будет слишком высокой. Если первыми его найдут представители американских властей, встанет вопрос об экстрадиции. Едва ли его решат положительно: Латинскую Америку Денило выбрал именно потому, что там на государственном уровне сложилась традиция не выдавать беглецов стране, подданными которой они являлись.

Если же первыми окажутся другие, то его будут пытаться до тех пор, пока он не скажет, где деньги. Больше всего Денило боялся физического насилия.

В аэропорту Буэнос-Айреса Лиа попыталась задремать, но сон не шел. Тогда она вновь позвонила ему – сначала домой, в Понта-Пору, затем по номеру сотового телефона в Куритибе.

Приземлившись в Нью-Йорке, она три часа прождала посадки на самолет компании «Суисс эйр», летевший до Цюриха.

Его уложили на заднем сиденье фургончика «фольксваген», пристегнув ремнем безопасности, чтобы он не свалился во время езды по отвратительным горным дорогам. Из одежды на нем были только шорты. Врач в последний раз осмотрел плотные повязки – их было восемь. Ожоги покрыли толстым слоем мази, а перед самым отъездом Патрику ввели изрядную дозу сильного антибиотика. Сняв халат, врач уселся впереди пациента и поставил между ногами небольшой черный саквояж. Парень, конечно, настрадался достаточно, но он поможет ему.

День-другой отдыха плюс инъекции болеутоляющего – и несчастный пойдет на поправку. От ожогов останутся лишь небольшие шрамы, да и они со временем скорее всего исчезнут.

Врач повернулся и потрепал Патрика по плечу. Он испытывал искреннюю радость от того, что этот совершенно незнакомый ему мужчина остался жив.

– Мы готовы, – бросил он сидевшему на переднем сиденье Гаю.

Бразилец за рулем выжал сцепление, фургончик развернулся и отъехал от хижины.

Каждый час они останавливались, чтобы установить на крыше антенну, без которой связь в горных условиях была невозможна. Гай говорил со Стефано, находившимся в своем рабочем кабинете вместе с Гамильтоном Джейнсом и высокопоставленным чиновником из госдепартамента. Велись консультации и с Пентагоном.

«Что, черт побери, происходит? – хотелось спросить Гаю. – Откуда взялись феде?»

За первые шесть часов они преодолели чуть больше ста километров. Дорога временами просто отсутствовала. Немало хлопот доставляли и постоянные звонки в Вашингтон. К двум пополудни, когда горы наконец выпустили их из своих цепких отрогов, «фольксваген» выехал на относительно ровное шоссе.

Процедура экстрадиции была связана с множеством сложностей, и Гамильтон Джейнс категорически возражал против нее. Пришлось искать обходные пути.

Директор ФБР провел телефонный разговор с руководителем администрации президента, в результате чего к операции подключили американского посла в Парагвае.

Если находящийся в этой стране подозреваемый – человек решительный и располагает внушительной суммой денег, то какие бы обвинения ни выдвигались против него на родине, процесс экстрадиции может растянуться на долгие годы и окончиться безрезультатно. Но в данном случае подозреваемый не имел при себе ни цента и даже не знал, где именно он находится.

С крайней неохотой парагвайцы согласились закрыть глаза на готовящуюся акцию.

В четыре часа дня Стефано передал Гаю инструкцию: найти аэропорт в окрестностях Консепсьона, небольшого городка, расположенного в трех часах езды от Асунсьона. Водитель-бразилец, получив приказ развернуться и гнать фургон на север, беззвучно выругался.

В Консепсьон они прибыли, когда на улицах городка сгущались сумерки. Аэропорт, оказавшийся подобием кирпичного сарая рядом с узкой асфальтовой взлетно-посадочной полосой, пришлось отыскивать в почти полной темноте. Гай вновь связался со Стефано; тот приказал, не вынимая ключи из замка зажигания, оставить фургон с Лэниганом у полосы. Возглавляемая Гаем группа, состоявшая из врача, водителя и еще одного американца, медленно, не сводя с «фольксвагена» глаз, отступила по густой траве от кирпичного домика. Метрах в ста от него росло большое раскидистое дерево – отличный наблюдательный пункт. Там они провели час в ожидании.

Наконец в воздухе загудели моторы и совершивший посадку «Владыка небес», крошечный самолетик с американскими опознавательными знаками на борту, совершил посадку у кирпичного домика. Спустившись по трапу, в домик прошли оба пилота. Через несколько мгновений они уже направлялись к «фольксвагену». Один из них забрался внутрь, другой сел за руль и подогнал фургон к самолету.

Патрика Лэнигана с величайшей осторожностью перенесли на борт самолета, где его ожидал врач военно-воздушных сил США. Пилоты отогнали фургон на прежнее место. Не прошло и пяти минут, как самолет вновь взмыл в темное небо.

В Асунсьоне, при дозаправке, Патрик пришел в себя и попробовал пошевелиться. Но он был еще слишком слаб, чтобы сидеть, – ломота в мышцах так и не отпустила. Врач предложил ему холодной воды и крекеров.

Еще две посадки они совершили в Ла-Пасе и Лиме. В Боготе Патрику помогли перебраться на борт небольшого реактивного «лира», скорость которого была вдвое выше, чем у турбовинтового «Владыки небес». От Арубы, острова у побережья Венесуэлы, где «лиру» тоже потребовалась дополнительная порция керосина, они без посадок долетели до американской военно-морской базы в Пуэрто-Рико. Машина «скорой» немедленно доставила Лэнигана в госпиталь.

После четырех с половиной лет жизни в Бразилии Патрик вновь ступил на территорию Соединенных Штатов.

Глава 5

Юридическая фирма, в которой когда-то работал Патрик, через год после его «похорон» обратилась в суд, оспаривая объявление ее банкротом. Его имя довольно долго значилось на официальном бланке фирмы: «Патрик С. Лэниган, 1954–1992» – в правом верхнем углу, над фамилиями ассистентов. А потом поползли тревожные слухи. Очень скоро в умах людей утвердилась мысль, что Патрик присвоил астрономическую сумму и скрылся. По прошествии трех месяцев на всем побережье Мексиканского залива невозможно было найти человека, который бы верил в его смерть. Долги фирмы росли, и имя Патрика с официальных бланков исчезло.

Но оставались еще четыре партнера, связанные круговой порукой. Их подписи стояли рядом на закладных и банковских обязательствах, выданных еще в те времена, когда дела фирмы шли в гору, а партнеры готовились стать по-настоящему богатыми людьми. Они выступали в качестве совместного ответчика в нескольких заведомо проигрышных исках, что, собственно, и послужило причиной банкротства. После того как исчез Патрик, каждый из участников квартета неоднократно пытался начать исполнять свою партию независимо от других, но это не принесло никакого улучшения. Двое были законченными алкоголиками, напивавшимися, заперев дверь на ключ, прямо в офисе, в тиши кабинетов. Еще двое, пройдя курс лечения, балансировали на грани. Правда, собутыльниками они никогда не были.

Лэниган взял их деньги. Их миллионы. Те самые, которые четверка умудрилась потратить задолго до того, как они поступили в банк, – такое под силу только настоящим юристам. Деньги, предназначавшиеся для оплаты роскошно отделанного здания фирмы в центре Билокси, деньги на покупку домов, яхт, вилл на Карибах. Они были уже в пути, эти деньги, документы подписаны, извещения о переводе получены, в воздухе витал запах богатства, еще немного – и приятную тяжесть пачек банкнот можно было бы ощутить на ладони, но в последнюю секунду протянувший с того света руку партнер унес их. Все!

Погребение Лэнигана состоялось одиннадцатого февраля девяносто второго года. Чтобы утешить скорбящую вдову, его подлое имя поместили на представительском бланке фирмы, после чего не прошло и шести недель, как он непостижимым, дьявольским образом похитил их деньги.

В жуткой грызне решался вопрос: кто виноват? Чарлз Боген, старший партнер, железной рукой управлявший фирмой, уверял, что деньги изначально были направлены на некий офшорный счет – не лишенная логики догадка, с которой, по размышлении, пришлось согласиться и другим. Речь шла о сумме в девяносто миллионов долларов, причем треть ее должна была остаться у партнеров. Спрятать такие огромные деньги в Билокси, где жили всего пятьдесят тысяч человек, не представлялось никакой возможности. В местном банке кто-нибудь наверняка проговорился бы, и новость мгновенно стала бы достоянием всего города. В глубине души каждый из четверки задыхался от зависти к мертвецу, несмотря на то что фирма строила планы в ближайшее время блеснуть своим богатством – поговаривали даже о покупке шестиместного самолета.

Словом, Боген принял часть вины на себя. В свои сорок девять лет он был старшим из четверых и по крайней мере в настоящее время довольно прочно стоял на ногах. Кроме того, девять лет назад Боген лично принял на работу Патрика, в чем теперь горько раскаивался.

Дуглас Витрано, или, как его чаще называли, Дуг, специалист по судебным процессам, внес на рассмотрение исполнительного комитета оказавшееся роковым предложение о переводе Лэнигана из сотрудников фирмы в число ее партнеров. Трое оставшихся коллег поддержали его, и, став пятым среди равных, Патрик получил неограниченный доступ ко всем, в том числе и самым конфиденциальным, делам. «Боген, Рэпли, Витрано, Хаварек и

Лэниган – адвокаты и советники юстиции, – сообщала реклама в справочнике «Желтые страницы». – Специалисты по офшорному бизнесу». Профиль, собственно говоря, был не так уж важен. Подобно большинству юридических фирм, они брались за любое дело, если их устраивали гонорары. На партнеров работали десятки секретарш и ассистентов. Значительные накладные расходы приносили хорошие дивиденды в виде крепких связей с наиболее влиятельными на побережье политиками.

Всем им было по сорок с небольшим. Воспитанный отцом на рыбацкой лодке, Хаварек до сих пор гордился своими грубыми могучими руками и мечтал в один прекрасный день сомкнуть их на горле Лэнигана. Рэпли впал в глубокую депрессию и почти не выходил из дома, общаясь с коллегами посредством записок, которые сочинял, сидя в крошечном кабинете под самой крышей.

В начале десятого утра, когда Боген и Витрано едва успели усесться за рабочие столы, в здание фирмы на Вью-Марше в старой части города вошел специальный агент ФБР Каттер. Улыбнувшись секретарше, он осведомился, может ли встретиться с кем-нибудь из руководства. Вопрос не был праздным: оба босса слыли ярыми приверженцами спиртного и нечасто появлялись в офисе.

Проведя гостя в комнату для переговоров, секретарша поставила перед ним чашку кофе. Первым явился Витрано, в накрахмаленной рубашке и с на редкость ясными, абсолютно трезвыми глазами. Следом за ним буквально через несколько секунд в зал вошел Боген.

Под тихое позвякивание ложечек, размешивающих сахар, начался неизбежный разговор о погоде.

На протяжении месяцев, последовавших за исчезновением Лэнигана и денег, Каттер периодически наведывался в офис, чтобы поделиться новостями о ходе розысков. Казалось даже, что стороны начали испытывать удовольствие от такого общения, хотя приносимые Каттером известия скорее разочаровывали, чем внушали хоть какую-то надежду. Месяцы плавно перетекали в годы, и постепенно встречи стали эпизодическими. Каттер всегда говорил: «Следов Лэнигана обнаружить пока не удалось». Последний раз эти слова прозвучали почти год назад.

Вот и сейчас агент ФБР, по-видимому, случайно проходил мимо и решил запросто, по-приятельски заглянуть на чашечку кофе. Ненадолго.

– Патрик у нас, – лаконично сообщил он.

Прикрыв глаза, Чарли Боген оскалил все тридцать два превосходных зуба.

– Боже! – воскликнул он и закрыл лицо ладонями. – Боже мой!

У дернувшего головой Витрано отвисла челюсть. С величайшим недоверием он уставился в потолок и через силу спросил:

– Где именно?

– На военной базе в Пуэрто-Рико. Его привезли из Бразилии.

Боген поднялся и прошел в угол, к книжным шкафам. Отворачиваясь от света, он пытался скрыть подступившие к глазам слезы.

– О Господи!

– Вы уверены, что это он? – Витрано все еще не верил своим ушам.

– Полностью.

– Расскажите детали.

– Что вас интересует?

– Как вы нашли его? Где? Чем он там занимался? Как выглядит?

– Нашли его не мы. Его нам отдали.

Прижав к носу платок, к столу вернулся Боген.

– Прошу извинить меня, – неловко сказал он.

– Вы знаете человека по имени Джек Стефано? – спросил Каттер.

Оба неохотно кивнули.

– И вы тоже входите в его небольшой консорциум? – задал новый вопрос агент.

Отрицательное покачивание головами.

– Вам повезло. Стефано отыскал его, пытал, а потом едва живым отдал нам.

– Пытки всегда дают нужный результат, – заметил Витрано. – Расскажите об этом подробнее.

– Обойдетесь. Наш самолет подобрал его вчера ночью в Парагвае и доставил в Пуэрто-Рико. Сейчас Лэниган находится там же, в военном госпитале. Через несколько дней, после того как разрешат врачи, он будет здесь.

– А что насчет денег? – через силу выдавил Боген сухим, ломающимся голосом.

– Ни намека. Пока нам не известно то, что, может быть, узнал Стефано.

Витрано беспокойно уставился на столешницу. Четыре с лишним года назад Патрик скрылся с девяноста миллионами долларов. Потратить всю сумму он был не в состоянии. Зато мог закупить особняков, вертолетов, иметь множество женщин, и при этом у него остались бы еще десятки миллионов. Безусловно, они найдут их. Гонорар фирмы составляет одну треть.

Не безусловно, а возможно. Всего лишь возможно.

Боген тер влажные глаза и вспоминал бывшую супругу – весьма близкую ему по духу женщину, превратившуюся, когда положение фирмы пошатнулось, в настоящую мегеру. Посчитав себя обесщеченной объявленным банкротством, она забрала младшего ребенка и перебралась в Пенсаколу, где при оформлении развода выдвинула против мужа совершенно недостойные обвинения. Боген пил и баловался кокаином. Поэтому супруге не составило труда добиться от него всего, что ей требовалось. Никакого серьезного сопротивления Боген оказать не мог. Доброе имя со временем удалось, правда, восстановить, однако в праве видеться с ребенком ему было отказано.

Поразительно, но он все еще любил эту странную женщину и надеялся вернуть ее. Может, в этом ему помогут деньги? Может, еще не все потеряно? Ведь они наверняка найдут свои миллионы.

Затянувшееся молчание нарушил Каттер:

– Стефано сам напросился на серьезные неприятности. В результате пыток у Лэнигана все тело в ожогах.

– Отлично, – улыбнулся Витрано.

– Вы рассчитываете вызвать у нас сочувствие? – спросил Боген.

– Нисколько. Я хотел сказать, что Стефано представляет собой интерес лишь постольку, поскольку может привести нас к деньгам. За ним установлено наблюдение.

– Найти деньги будет нетрудно, – пожал плечами Витрано. – Ведь какого-то мертвеца мы похоронили. Наш приятель Патрик совершил убийство, за что полагается электрический стул – просто и достаточно быстро. Убийство из корыстных побуждений. Так что если на него надавить, он запоет.

– Но будет еще лучше, если Лэнигана отдадут нам. – Боген не собирался шутить. – Десять минут – и мы узнаем все.

Каттер посмотрел на часы:

– Мне пора. Предстоит еще съездить в Пойнт-Клир и сообщить новость Труди.

Боген и Витрано одновременно фыркнули и засмеялись.

– Вот как? Она еще ничего не знает? – спросил Чарлз.

– Пока нет.

– Хорошо бы записать эту сцену на видео, – сказал Витрано, продолжая трястись от беззвучного смеха. – Хотел бы я увидеть ее лицо.

– Мне и самому не терпится, – ответил Каттер.

– Сучка, – поморщился Боген.

– Поставьте в известность своих партнеров. – Каттер поднялся. – Но до полудня ничего особенного не предпринимайте. Мы собираемся устроить пресс-конференцию, я еще свяжусь с вами.

После ухода агента они довольно долго просидели в полном молчании: слишком много вставало вопросов, слишком многое предстояло обсудить. Какие перспективы открывались, какие возможности!

Патрика Лэнигана, жертву автокатастрофы, произошедшей в отсутствие свидетелей на какой-то проселочной дороге, проводила в последний путь одиннадцатого февраля девяносто второго года его очаровательная жена Труды. Одетая в строгий черный костюм от Армани, вдова выглядела потрясающе. Бросая горсть земли на гроб, мысленно она уже всю тратила деньги.

По своему завещанию Патрик оставил ей все. За несколько часов до того, как отправиться на заупокойную службу, вместе с Дугом Витрано Труды открыла запертый ящик стола в кабинете мужа и внимательно изучила находившиеся там бумаги: завещание, документы на две машины, закладную на дом, страховой полис на полмиллиона долларов, о котором Труды было известно, и другой – на два миллиона, – оказавшийся для нее полной неожиданностью.

Витрано опытным взглядом просмотрел драгоценный документ. Полис Патрик приобрел восемь месяцами раньше. Единственным получателем страховой суммы в нем значилась Труды. Оформлены обе страховки были в одной и той же солидной компании.

Труды клялась, что о втором полисе и не подозревала. Улыбка на ее лице убедила Дуга в том, что она говорит правду. Свалившееся перед самыми похоронами на голову вдовы состояние совершенно выбило ее из колеи, но, несмотря на охвативший ее восторг, она нашла силы и терпение изобразить приличествующую моменту печаль и отстоять всю службу, а затем пойти за гробом до самой могилы.

С выплатой денег компания, как обычно бывает, не спешила, однако угроза Дуга обратиться в суд привела к тому, что через четыре недели после похорон мужа Труды стала обладательницей двух с половиной миллионов долларов.

Прошло еще шесть дней, и она уже разъезжала по Билокси в красном «роллс-ройсе», вызывая ненависть сограждан. А потом исчезли девяносто миллионов, и по городку поползли тревожные слухи.

Может, она и не вдова?

Патрик был первым из подозреваемых, а вскоре остался единственным. Слухи становились все злонамереннее; не желая быть их объектом, Труды усадила в «роллс-ройс» маленькую дочку и своего приятеля Лэнса, с которым сошлась когда-то в школе, и укатила в Мобил, расположенный в часе езды к востоку от Билокси. Там она нашла пронырливого адвоката, надававшего ей советов, как уберечь полученные от страховой компании деньги. В Пойнт-Клире Труды купила прекрасный старый особняк с видом на залив и записала его на имя Лэнса.

Лэнс представлял собой типичного красивого и сильного неудачника. Именно с ним Труды в четырнадцать лет стала женщиной. Когда Лэнсу исполнилось девятнадцать, он был обвинен в контрабанде марихуаны и его на три года упрятали за решетку. Труды же в это время наслаждалась привольной студенческой жизнью в колледже, который, несмотря на крайнее легкомыслие, умудрилась окончить с отличием. Выйдя замуж за сына весьма состоятельных людей, она через два года развелась с ним и стала наслаждаться прелестями жизни

свободной одинокой женщины. Через несколько лет Труды встретила Патрика – молодого и многообещающего юриста, человека в городе нового. Они стали мужем и женой.

Пока училась в колледже и позже, став замужней женщиной, в первом и втором браке меняя места работы, Труды всегда держала Лэнса поблизости. Он был для нее чем-то вроде наркотика, его кошачьей похоти ей вечно не хватало. Уже в четырнадцать лет Труды поняла, что расстаться с Лэнсом не сможет никогда.

По пояс голый, со стянутыми на затылке в пучок блестящими черными волосами, со сверкающим в мочке левого уха крупным бриллиантом, Лэнс стоял у раскрытой калитки, глядя на Каттера сверху вниз – так он смотрел на весь мир, – и молчал.

– Труды здесь? – спросил Каттер.

– Возможно.

Увидев значок специального агента, Лэнс на мгновение растерялся.

– Каттер, сотрудник ФБР. Мне уже приходилось с ней беседовать.

Марихуану Лэнс привозил из Мексики на отличном быстроходном катере, купленном на деньги Труды. Товар он сбывал дельцам в Мобиле. Бизнес шел вяло: мешала береговая охрана.

– Она в спортивном зале, – сообщил Лэнс. – А что вам от нее нужно?

Не обратив внимания на этот вопрос, Каттер пересек подъездную дорожку и направился в сторону модернизированного и оборудованного тренажерами гаража, откуда доносилась громкая музыка. Лэнс побрел следом.

Труды была полностью поглощена аэробикой, безукоризненно точно копируя сложнейшие движения какой-то супермодели, лихо отплясывавшей на огромном экране телевизора у задней стены помещения. Она подпрыгивала, делала повороты, подпевая лившейся из динамиков музыке, и выглядела чертовски соблазнительно: ярко-желтое обтягивающее трико, собранные в длинный конский хвост белокурые волосы, ни грамма жира. Каттер не отводил глаз. Даже пот не портил ее.

На аэробику Труды тратила по два часа ежедневно, и в тридцать пять лет по-прежнему походила на студентку-второкурсницу.

Лэнс нажал кнопку панели управления, и экран телевизора погас. Труды обернулась, увидела Каттера и наградила его взглядом, от которого могло бы расплавиться масло.

– В чем дело? – возмущенно бросила она Лэнсу.

– Каттер, специальный агент ФБР. – Снова вытащив из кармана значок, Джошуа направился к Труды. – Несколько лет назад мы с вами встречались.

Желтым, в тон трико, полотенцем Труды вытерла лицо. Грудь ее высоко вздымалась.

– Чем могу вам помочь? – ослепительно улыбнулась она.

– Я принес вам замечательную новость. – Каттер широко улыбнулся в ответ.

– Какую же?

– Мы нашли вашего мужа, миссис Лэниган, он жив.

До Труды не сразу дошел смысл услышанного.

– Патрик?

– Именно так.

– Вы лжете, – подал голос Лэнс.

– Вынужден вас разочаровать, но это правда, – на мгновение повернулся к Лэнсу Каттер. – Сейчас он на нашей военной базе в Пуэрто-Рико, а здесь будет примерно через неделю. Я подумал, что эту добрую весть вы имеете право узнать раньше газетчиков.

Пораженная, Труды опустила на гимнастическое бревно. Ее бронзовая от загара кожа стала серой. Плечи безвольно поникли. Лэнс бросился к ней.

– О Господи, – едва слышно выдохнула Труды.

Каттер положил на край бревна визитную карточку.

– Дайте знать, если решите, что я смогу чем-нибудь помочь вам. – Он направился к выходу.

Было совершенно ясно, что Труды не испытывала никакой ненависти к человеку, смерть которого оказалась всего лишь обманом. И радости известие о том, что он жив, ей тоже не принесло.

Появился только страх, оупляющий чувства ужас: страховая компания, безусловно, подаст в суд, и с деньгами придется расстаться.

В то время пока Каттер находился в Мобиле, его коллега отправился к жившей в Новом Орлеане матери Патрика. Миссис Лэниган, услышав новость, от волнения едва не лишилась чувств и стала умолять агента рассказать обо всем как можно подробнее. Он провел в ее доме около часа, но не сказал почти ни слова правды. Пожилая женщина была вне себя от радости и после ухода гостя остаток дня провела у телефона, делясь с подругами своей радостью.

Ее единственный и ненаглядный ребенок жив!

Глава 6

Джека Стефано арестовали в его вашингтонском офисе. Он провел тридцать минут в камере, откуда был доставлен в здание федерального суда. Высокопоставленный чиновник сообщил Стефано, что он будет освобожден сразу же после того, как даст письменное обязательство не покидать пределы города, и что с этого момента он находится под круглосуточным наблюдением ФБР. Группа агентов, оставшихся в его офисе, отправила сотрудников по домам и собрала всю документацию.

После беседы с судьей Стефано доставили на Пенсильвания-авеню, в Гувер-билдинг³, где его ждал Гамильтон Джейнс. Оставшись со своим гостем наедине, заместитель директора ФБР принес ему самые искренние извинения за арест, пояснив, что не имел выбора. Ведь никто не может рассчитывать остаться безнаказанным после того, как отдаст приказ схватить находящегося в розыске гражданина США, накачать его наркотиками и чуть ли не до смерти пытаться.

Но истинная причина ареста, конечно, заключалась в деньгах. Предполагалось, что, побывав в ФБР, Стефано станет более разговорчивым, однако тот клялся, будто Патрик не сказал им ни слова.

Пока они беседовали, двери и окна офиса Стефано были опечатаны, а телефоны в его доме напичканы «жучками». Миссис Стефано отсутствовала: она играла у подруги в бридж.

После краткого и совершенно бесплодного разговора с Джейнсом Джека посадили в машину и, приказав держаться подальше от собственного офиса, выпустили неподалеку от здания Верховного суда. Стефано тут же остановил такси, назвал водителю адрес отеля «Хэй Эдамс» на перекрестке Эйч-стрит с Шестнадцатой улицей и с невозмутимым видом развернул газету, время от времени ощупывая пальцами небольшую бляшку, вшитую федами в полу его пиджака. Бляшка представляла собой миниатюрный, но весьма мощный источник радиосигналов, он позволял следить за перемещениями людей, грузов и даже автомобилей. Обнаружил его Стефано еще в кабинете Джейнса, перед выходом из которого испытал сильнейшее искушение разорвать подкладку и швырнуть крошечный передатчик тому в лицо.

Методы ведения слежки были Стефано известны не хуже, чем им. Запихав пиджак под сиденье, он расплатился с таксистом и быстрым шагом вошел в вестибюль отеля, фасад которого смотрел на Лафайетт-парк. Дежурный администратор сообщил, что свободных номеров у них нет, тогда Стефано попросил вызвать управляющего (недавно Джек оказал ему важную услугу). Через несколько минут его торжественно проводили в «люкс» на четвертом этаже. Из окон номера открывался замечательный вид на Белый дом. Раздевшись до трусов, Стефано разложил на постели всю одежду и очень тщательно исследовал каждый шов. Когда с этим было покончено, он, позвонив по телефону, попросил принести ему перекусить. Попытка связаться с женой результата не дала.

Стефано набрал номер Бенни Ариция, своего клиента, человека, чьи девяносто миллионов долларов растаяли в воздухе через пять минут после того, как были получены банком в Нассо. Шестьдесят принадлежали ему лично, он собирался выгодно вложить их в дело; тридцать оставшихся составляли грабительский гонорар Богена, Витрано и других алчных крючкотворов из Билокси. Но деньги, как уже было сказано, исчезли без следа.

В ожидании новостей от Стефано Бенни жил в отеле «Уиллард», также находившемся неподалеку от Белого дома.

³ Эдгар Гувер с 1924 по 1972 год был директором ФБР, превратившегося под его руководством в одну из наиболее влиятельных государственных структур США.

Они встретились через час на нейтральной территории отеля «Времена года», где Арициа на всякий случай снял номер на неделю.

Бенни было почти шестьдесят, однако выглядел он лет на десять моложе: сухопарый, с тренированными мускулами, обтянутыми покрытой бронзовым загаром кожей, состоятельный житель южной Флориды, отошедший от дел. Он поддерживал отличную форму, каждый день играя в гольф. Жил Арициа в особняке на берегу канала вместе с молодой шведкой, годившейся ему в дочери.

Фирма располагала страховым полисом, покрывавшим потери от возможного мошенничества или кражи, совершенной собственными сотрудниками. Среди корпоративных юристов случается и такое. Полис, проданный страховой компанией «Монарх-Сьерра», гарантировал максимальную компенсацию в четыре миллиона. Подав судебный иск, Арициа бульдожьей хваткой вцепился в фирму. Его адвокаты требовали возмещения всех причитавшихся их клиенту шестидесяти миллионов.

Принимая во внимание то, что фирма оказалась на грани банкротства и взять с нее фактически было нечего, Бенни удовлетворился выплаченными «Монарх-Сьеррой» четырьмя миллионами. Половина суммы ушла на розыски Патрика. Особняк потребовал еще пятьсот тысяч. Поскольку жил Бенни на широкую ногу, на сегодняшний день у него оставался только миллион.

Стоя у окна, он отхлебывал из чашечки кофе без кофеина.

– Меня арестуют?

– Скорее всего нет. Но я бы на твоём месте все же не высовывался.

Бенни подошел к столу, поставил чашку и уселся напротив Стефано.

– А со страховыми компаниями ты еще не говорил? – спросил тот.

– Пока нет. Свяжусь с ними позже. Ты и твои люди в полной безопасности.

Страховая компания «Нозерн кейс мьючуэл», сделавшая Труди богатой, втайне от всех выделила на розыски Патрика полмиллиона долларов. Вместе с миллионом, полученным в «Монарх-Сьерре», общая сумма, потраченная маленьким консорциумом Стефано на охоту за Лэниганом, составила более трех миллионов долларов.

– О девчонке что-нибудь выяснили? – спросил Арициа.

– А ты нетерпелив. Наши люди в Рио работают. Они нашли ее отца, но сказать старику было нечего. То же самое нас ждало в юридической фирме, где девчонка работает. Нам сообщили только, что она уехала по делам.

Сложив руки на груди, Бенни спокойно сказал:

– А теперь в точности повтори мне его слова.

– Я еще не слышал запись. Пленку должны были доставить в офис сегодня после обеда, но феда спутали все карты. К тому же не забывай, что ее требовалось как-то переправить сюда из парагвайских джунглей.

– Мне это известно.

– По словам Гая, Лэниган сломался на пятом часу допроса. Он признал, что деньги в полной сохранности и спрятаны на счетах различных банков, названия которых выяснить пока не удалось. Гай чуть не убил Лэнигана, когда тот то ли не смог, то ли не захотел сказать ни слова об этих банках. Гай пришел к выводу: деньгами занимается кто-то другой. Применив кое-какие методы, он заставил парня выдать имя женщины, которое тут же сообщили в Рио. Оттуда пришло подтверждение, что такая дама действительно существует. Но было уже поздно – она успела скрыться.

– Я хочу прослушать запись.

– Там одни животные крики, Бенни. Человека медленно поджаривают, а он молит о пощаде.

Арициа не смог сдержать улыбки:

– Знаю. Именно это я и хочу услышать.

Патрика поместили в отдельной палате удаленного крыла госпиталя. Ее двери можно было запереть снаружи, а окна не открывались. Опущенные жалюзи создавали постоянный полумрак. В коридоре у палаты на всякий случай поставили двух охранников.

О том, чтобы Патрика перевезти куда-то, не могло пока идти и речи. Электроды оставили глубокие раны на его груди и ногах. Боль еще давала о себе знать, особенно в костях и суставах. В трех местах: на груди, бедре и на икроножной мышце – раны были особенно глубокими; четыре других врачи квалифицировали как ожоги второй степени.

Лэниган так страдал, что консилиум принял решение держать его на седативах. Причин торопиться с его переправкой не было: пока ведомства договорятся, кто займется им в первую очередь, пройдет несколько дней.

В полутемной палате негромко звучала спокойная музыка. Лежавший под капельницей, полной дарящего забвение легкого наркотика, Патрик размеренно посапывал в лишенном сновидений сне и не подозревал о назревающей дома буре.

В августе девяносто второго года, через пять месяцев после исчезновения миллионов, жюри присяжных города Билокси признало Патрика Лэнигана виновным в краже денег. Все собранные улики с очевидностью указывали именно на него, и оснований подозревать кого-либо другого у суда не имелось. Поскольку противозаконная акция была совершена на территории другого государства, следствие по делу находилось в юрисдикции ФБР.

Шериф округа Гаррисон вместе с окружным прокурором начали совместное расследование убийства мужчины, похороненного под именем Лэнигана, но вскоре вынуждены были переключиться на другие, более срочные и важные, проблемы.

Теперь же все возвращалось на круги своя.

Назначенную на вторую половину дня пресс-конференцию отложили, и представители нескольких государственных ведомств собрались в кабинете Каттера, чтобы попытаться проанализировать складывавшуюся ситуацию. Сопровождение проходило в довольно накаленной обстановке. С одной стороны стола сидел Каттер и его коллеги из ФБР, подчинявшиеся приказам Мориса Мааста – государственного прокурора, осуществлявшего общий надзор за соблюдением законности в штатах, расположенных к западу от Миссисипи. Напротив них разместились Рэймонд Суини, шериф округа Гаррисон, его правая рука Гримшоу – оба терпеть не могли ФБР – и излагавший их позицию Т. Л. Пэрриш, прокурор Гаррисона и прилегающих к нему районов.

Государство против штата, гигантский бюджет против каких-то крох. Борьба самолюбив. Каждой из сторон хотелось заполучить Патрика Лэнигана в свое исключительное и безраздельное владение.

– Он подпадает под действие нашего закона о смертной казни, – сообщил Т. Л. Пэрриш.

– Мы можем подойти к вопросу с точки зрения федерального закона, – едва ли не робко заметил Мааст.

Пэрриш с улыбкой опустил взгляд на столешницу. Конгресс только что утвердил федеральный закон о преступлениях, за которые могла быть назначена смертная казнь, однако в тексте почти ничего не говорилось о механизме действия этого закона. Принесенный на подпись президенту закон смотрелся очень внушительно, но недоработок в нем было хоть отбавляй.

Штат же имел давний и многократно оправдавший себя опыт осуществления вынесенных по приговору суда наказаний.

– Наш будет лучше, – сказал Пэрриш. – Все его знают, всё в нем изложено просто и ясно.

На своем веку он отправил на электрический стул восьмерых. Мاستу же только предстояло первый раз в жизни призвать суд приговорить к смертной казни человека за совершенное им умышленное убийство.

– Существует еще и проблема тюрьмы, – продолжал Пэрриш. – Мы бы направили Лэнигана в Парчмэн, где скверно кормят дважды в день и пару раз в неделю дают помыться в душе. Он двадцать три часа в сутки проводил бы в душной камере вместе с тараканами и насильниками. Вы же привезете его в некое подобие загородного клуба, членом которого он останется до конца своих дней, поскольку ваши судьи найдут тысячу отговорок для того, чтобы заменить смертную казнь чем-нибудь погуманнее.

– Как на пикнике Лэниган чувствовать себя не будет, – не очень уверенно возразил Мاست.

– Значит, как на пляже. Брось, Морис. Нам необходим рычаг. До того как любитель путешествовать Лэниган отправится в последний вояж, мы должны ответить на два вопроса. Первый и самый главный – это деньги. Где они? Что он с ними сделал? Можно ли их разыскать и вернуть законным владельцам? Второй касается пресловутых похорон. Кто лежит в могиле? Ответ в состоянии дать только Лэниган, да и то лишь после того, как его заставят сделать это. Нужно, чтобы у него душа ушла в пятки, Морис. Тюрьма пугает кого угодно. Готов поклясться, Лэниган Бога будет молить, чтобы его дело рассматривал федеральный суд.

Признавая правоту оппонента, Мاست не мог позволить себе публично согласиться с ним. Для местных властей дело Лэнигана слишком сложное. К тому же сюда уже начала прибывать пресса.

– Есть еще и другие моменты, – напомнил он Пэрришу. – Кража совершена далеко за пределами страны.

– Да, но на момент совершения преступления его жертва являлась субъектом юрисдикции данного округа.

– Все это далеко не так просто.

– Что ты предлагаешь?

– Может, нам стоит объединить усилия?

После этого вопроса Маста атмосфера несколько разрядилась.

Фэбээровцы в любое время могли оказаться первыми, и то, что государственный прокурор предлагал Пэрришу содействие, было для него совсем не плохо.

Все дело заключалось в Парчмэне, это понимал каждый присутствовавший. Будучи юристом, Лэниган должен был представлять, что ждет его в Парчмэне, и перспектива провести десять лет в преддверии ада могла развязать ему язык.

В соответствии с предложенным планом Пэрриш и Маст делили пирог меж собой. ФБР продолжит поиски денег. Представители местных властей сконцентрируют усилия на разгадке убийства. Пэрриш соберет большое жюри присяжных. Перед публикой выступит объединенный фронт. Такие щекотливые вопросы, как суд и апелляции, были отложены сторонами до лучших времен. На первое место выдвинулась необходимость заключить перемирие, чтобы каждая из сторон могла действовать без оглядки на другую.

Поскольку в здании ФБР проходило совещание, прессе предложили подождать его окончания на противоположной стороне улицы, в городском суде Билокси. В зале на втором этаже собрались десятки репортеров, в основном местные, хотя были и их коллеги из Джексона, Нового Орлеана и Мобила. Всем им непременно хотелось занять места в первом ряду, куда они рвались, как дети на школьном утреннике.

Маст и Пэрриш вышли к трибуне, уставленной множеством микрофонов. Каттер вместе с полицейскими окружили этих двоих плотной стеной. В зале вспыхнул свет, засверкали фотовспышки, зажужжали видеокамеры.

Откашлявшись, Маст сделал шаг вперед:

– Нам выпала честь сообщить, господа, об аресте мистера Патрика С. Лэнигана, бывшего жителя вашего города. Он и в самом деле не умер и находится сейчас в распоряжении федеральных властей.

Выдержав драматическую паузу, Маст наслаждался волнением, охватившим журналистов, а затем осторожно поделился некоторыми подробностями: рассказал о событиях, происшедших пару дней назад в Бразилии, сообщил, каким образом установили личность арестованного, но ни словом не обмолвился о том, что ни сам он, ни ФБР не имели никакого отношения к определению местонахождения Патрика Лэнигана. Он добавил пару общих фраз о доставке арестованного, выдвигаемых против него обвинениях и неотвратимости правосудия.

Речь Пэрриша оказалась более сдержанной. Он обещал скорейшее рассмотрение дела об убийстве, равно как и всех остальных пунктов обвинения, предъявляемого арестованному.

На трибуну обрушился град вопросов. В течение примерно полутора часов Маст вместе с Пэрришем противостояли попыткам журналистов узнать что-нибудь еще.

Труди решительно настояла на том, чтобы при встрече Лэнс находился рядом. В обтягивающих мускулистые бедра шортах из джинсовой ткани он был неотразим. Видевший и не такое, адвокат едва заметно презрительно улыбнулся.

Труди была одета, как всегда, со вкусом: короткая юбка в обтяжку, красная блузка, немного косметики и минимум украшений. В попытке привлечь внимание адвоката она скрестила свои великолепные длинные ноги и погладила руку Лэнса, лежавшую у нее на колене.

Адвокат словно не заметил ее манипуляций.

Труди пришла, чтобы начать оформление развода, сообщила она, несмотря на то что по телефону уже поставила адвоката в известность о своих намерениях. Она была вне себя от горя. Почему он так поступил с ней? И с Эшли Николь, их маленькой дочерью? Ведь они любили друг друга, им так хорошо жилось вместе. А теперь это...

– Развод не составит особой проблемы, – вновь повторил Дж. Мюррей Ридлтон, опытный адвокат, имевший немало клиентов. – Мы имеем типичный случай, когда один супруг оставил другого. В соответствии с законами Алабамы вы получите развод и все его имущество.

– Мне хочется закончить эту процедуру как можно быстрее, – сказала Труди, глядя на стену, где висели дипломы и лицензии Ридлтона.

– Я займусь вашим делом прямо с завтрашнего утра.

– Сколько оно потребует времени?

– Три месяца. Меньше не бывает.

Подобный ответ ничуть не успокоил ее.

– Не понимаю, как мужчина может подобным образом поступить по отношению к той, которую он любит. Я чувствую себя ужасно глупо.

Рука Лэнса медленно поползла вверх.

Развод несколько не беспокоил Труди, и адвокат прекрасно понимал это. Она попыталась было изобразить, что у нее разбито сердце, но вышло это до смешного плохо.

– Сколько вы получили от страховой компании? – спросил он, перекладывая бумаги на столе.

Вопрос поразил Труди.

– А почему это вас заинтересовало?

– Потому что компания подаст на вас в суд, чтобы вернуть свои деньги. Ведь ваш муж жив, Труди. Нет смерти – значит, нет и денег.

– Вы шутите!

– Отнюдь.

– Они не смогут так поступить со мной, конечно, не смогут.

– Еще как смогут. И долго ждать не придется.

Убрав руку, Лэнс выпрямился на стуле. Рот Труди приоткрылся, глаза стали мокрыми от слез.

– Они не смогут.

Ридлтон придвинул к себе блокнот и взял ручку.

– Давайте-ка прикинем.

Заплатив сто тридцать тысяч долларов за «роллс-ройс», Труди по-прежнему считалась его владелицей. Лэнс ездил на купленном ею за восемьдесят пять тысяч «порше». Дом был приобретен за девятьсот тысяч наличными без всяких заложных на имя Лэнса. В шестьдесят тысяч обошелся его катер, еще сотня ушла на ее драгоценности. Цифры складывались в столбик, и когда черту подвели, под ней оказалось около полутора миллионов. У адвоката язык не поворачивался сказать, что эти роскошные приобретения уйдут первыми.

Подобно дантисту, выдерживающему зуб без новокаина, Ридлтон заставил Труди подсчитать ее ежемесячные расходы. Поколебавшись, она назвала сумму в десять тысяч долларов на протяжении последних четырех лет. Парочка успела совершить несколько сказочных путешествий, и деньги утекали с такой скоростью, что никакой страховой компании не под силу было заткнуть эту дыру.

Труди считалась безработной, или вышедшей на пенсию, как она предпочитала говорить. Свои доходы от перевозки наркотиков Лэнс, естественно, скрывал. Даже их собственный адвокат ничего не знал о трехстах тысячах долларов, которые они спрятали на счете банка во Флориде.

– И когда, по-вашему, компания предъявит иск? – спросила Труди.

– До конца недели, – ответил Ридлтон.

Но это произошло гораздо раньше.

В разгар пресс-конференции, как только было сделано заявление о воскрешении Патрика Лэнигана из мертвых, в зал вошли представители страховой компании «Нозерн кейс мьючуэл» с тем, чтобы потребовать от Труди Лэниган полного возврата двух с половиной миллионов долларов с банковскими процентами и гонорарами для адвокатов. Судебный иск включал в себя также петицию с требованием временно ограничить ее права на владение ценностями – как лица, не соответствующего статусу вдовы.

Петицию передали судье – тому самому, с которым несколькими часами ранее в ходе срочного закрытого слушания была достигнута договоренность о постановлении, ограничивающем права Труди. Будучи полноправным членом юридической ассоциации, судья превосходно знал все подробности саги Патрика Лэнигана. Труди смертельно обидела его супругу своим заносчивым поведением вскоре после покупки красного «роллс-ройса».

В то время когда Труди и Лэнс, лаская друг друга, совещались с адвокатом, копия решения суда об ограничении ее имущественных прав была направлена в Мобил и зарегистрирована местным клерком. Двумя часами позже, когда парочка устроилась на заднем дворе своего дома, чтобы пропустить по стаканчику и полюбоваться видом на залив, явившийся из городского суда курьер вручил ей копию иска, поданного «Нозерн кейс мьючуэл», вызов в суд и заверенную копию постановления об ограничении имущественных прав.

Среди перечислявшихся в нем запретов был и такой: не выписывать без разрешения судьи никаких чеков.

Глава 7

Адвокат Итэн Рэпли спустился из неосвященной мансарды, принял душ, побрился, пустил в покрасневшие глаза капли, отыскал не совсем чистый синий блейзер, в котором еще можно было отправиться в город, и уселся пить крепкий кофе. В офисе он отсутствовал уже шестнадцатый день. Нельзя сказать, что его там сильно не хватало, да и сам он вовсе не соскучился по сослуживцам. При необходимости они слали ему факсы, а он отвечал. Он писал служебные записки и предложения, необходимые фирме для того, чтобы выжить, и занимался исследовательской работой для тех, кого абсолютно не уважал. Время от времени ему приходилось надевать галстук и отправляться на встречу с клиентом либо на рутинное совещание с партнерами. Работать в офисе Итэн терпеть не мог, к тому же он ненавидел людей, даже тех, кого едва знал. Он ненавидел каждую стоящую на стеллажах книгу и каждую папку на своем столе. Его приводили в бешенство фотографии на стенах и запахи остывшего кофе в коридоре, порошка рядом с ксероксом, духов секретарш. Любые запахи офиса.

И тем не менее, проезжая после обеда по шоссе, бежавшему вдоль побережья, он поймал себя на том, что почти улыбается. Торопливо продвигаясь по Вью-Марше, Итэн кивнул на ходу старому знакомому. Войдя в офис, бросил несколько слов секретарше, имени которой никак не мог вспомнить.

В конференц-зале толпились люди, по большей части юристы из соседних офисов, пара судей и несколько типов, по виду – судейских чиновников. Шел шестой час вечера, настроение у всех было чуть ли не праздничное. В воздухе плавал дым сигар.

Увидев на столе бутылки со спиртным, Рэпли с довольным видом налил себе виски и вступил в разговор с Витрано. К стоявшим на противоположной стороне сокам и воде никто не притрагивался.

– Так продолжается с полудня, – заметил Витрано, обводя взглядом собравшихся и прислушиваясь к их непринужденной болтовне. – Как только услышали новость, начали подходить.

Весть о Патрике облетела юридические конторы побережья за несколько минут. Профессионалы отдают должное слухам, украшают их несуществующими подробностями и с поразительной скоростью передают дальше. Сплетня выслушивается, классифицируется и обрастает деталями. Патрик, оказывается, весил уже пятьдесят два килограмма и говорил на пяти иностранных языках. Деньги нашли. Деньги пропали навечно. Жил он почти в нищете. Или в собственном особняке. Жил один. У него появились новая жена и трое детей. Вот они-то и знают, где деньги. Нет, они и не представляли, насколько богаты.

Так или иначе все слухи крутились вокруг денег. Собравшиеся в конференц-зале друзья и просто любопытные обсуждали варианты развития событий, неизбежно возвращаясь к главному – деньгам. Каждый тут знал, что фирма лишилась трети из девяноста миллионов. И даже самая немыслимая возможность получить эти деньги назад привела сюда целые толпы – выпить, посудачить о том о сем и произнести неизбежную фразу: «Черт побери, я очень надеюсь, что их в конце концов все же найдут».

Плеснув в бокал еще виски, Рэпли исчез в толпе. Отхлебывая из стакана минеральную воду, Боген беседовал с судьей. Витрано крутился среди гостей, с важным видом подтверждая или категорически отрицая услышанное. Хаварек стоял в углу со стареющим репортером судебной хроники – тот неожиданно обнаружил в своем собеседнике исключительно остроумного человека.

С приближением вечера количество выпитого спиртного возрастало. Сплетни сменяли одна другую, надежды росли.

Патрик стал «новостью номер один» на местной телестанции, не сообщавшей почти ничего другого. Маст и Пэрриш с обреченным видом смотрели на десяток микрофонов так, будто иного выбора у них не было. На входной двери юридической фирмы болталась табличка «Закррито», и добиться каких-либо комментариев не представлялось возможным. Затем последовал весьма краткий репортаж с кладбища, дополненный риторическим вопросом: «Чья бедная душа нашла успокоение в могиле?» На экране мелькнули кадры произошедшей несколько лет назад ужасной автокатастрофы – искореженный и обуглившийся кузов принадлежавшего Патрику Лэнигану «шеви-блейзера». Супруга погибшего, ФБР и шериф хранили молчание. Никто тогда не произнес ни слова, зато репортеры позволили себе высказывать самые невероятные догадки.

Новость произвела впечатление разорвавшейся бомбы в Новом Орлеане, Мобиле, Джексоне и даже Мемфисе. Подхватив ее вечером, Си-эн-эн в течение часа знакомила с ней страну, прежде чем передать за рубеж. Захватывающий сюжет!

В Швейцарии было семь утра, когда программу новостей увидела в своем гостиничном номере Ева. Заснула она после полуночи, оставив телевизор включенным, и то и дело просыпалась в ожидании вестей о Патрике. Чувствовала она себя уставшей и запуганной. Ей ужасно хотелось вернуться домой, но, как она понимала, это было невозможно.

Патрик жив. Он тысячу раз повторял ей, что его не решатся убить, если все-таки найдут. Впервые она поняла, что все это время действительно верила ему.

Что он был вынужден рассказать им? Это беспокоило Еву больше всего.

Серьезно ли он пострадал?

Прошептав краткую молитву, Ева возблагодарила Бога за то, что Патрик уцелел.

Затем она начала составлять описание.

Под равнодушным взглядом двух охранников с помощью Луиса, своего фельдшера-пуэрториканца, Патрик в одних белых армейских трусах проковылял по коридору. Его ранам, которые не покрывала больше ни одежда, ни повязки, требовался свежий воздух. Мазь и кислород. Икры и бедра все еще были весьма чувствительны, в коленях и щиколотках каждый шаг отдавался легкой дрожью.

Черт возьми, когда же просветлеет голова? Боль немного проясняла мысли. Одному Господу известно, что за дрянь ему впрыскивали три последних дня.

Он почти не помнил, как его поймали, – перед глазами стоял чудовищно густой туман, однако сейчас он начал подниматься. Кровь выносила из организма растворившиеся химические соединения, и Патрик стал вспоминать свои нечеловеческие вопли. Много ли он успел прокричать о деньгах?

Облокотившись на подоконник в пустой столовой, он дождался, пока Луис наполнит стакан соком. Примерно в километре от здания шумел океан. Рядом – бараки. Похоже, он на какой-то военной базе.

Да, Патрик был вынужден сказать им, что деньги существуют. Он помнил, как после признания мучения на мгновение прекратились. Потом, кажется, он потерял сознание – в чувство его привели брызги холодной воды. Он помнил, какой приятной была вода, однако сделать хотя бы глоток ему не дали, вновь начав колоть иглой.

Банки. Он чуть было не распрощался с жизнью, скрывая их названия. В то время как по телу бежал не знавший пощады ток, он вспоминал, как все это провернул – с момента похищения денег в Объединенном банке Уэльса на Багамах, через банк на Мальте и до Панамы, где уже никто не в силах был отыскать их.

Когда его схватили, он не знал, в каком именно месте находятся деньги. Они все еще существовали, со всеми процентами, как он наверняка сказал своим мучителям. Это помнилось – еще бы, ведь он твердо отдавал себе отчет: они знали о краже, знали, что деньги

оказались в его распоряжении и что было невозможно потратить за четыре года девяносто миллионов долларов. Но теперь Патрик и в самом деле не представлял себе, где они.

Фельдшер протянул Патрику стакан содовой, и он поблагодарил:

– Обригадо.

«Спасибо» по-португальски. Почему он вдруг заговорил на этом языке?

Затем был провал в памяти. «Стоп!» – проорал кто-то невидимый из угла комнаты. Похоже, они решили, что ток убил его.

Трудно было представить, сколько времени он провел без сознания. В какое-то мгновение Патрик проснулся в абсолютной темноте: капли пота, наркотик и безостановочный крик ослепили его. Или на глазах была повязка? Он вспомнил, как подумал, что ему завязали глаза, решив, по-видимому, применить что-нибудь новенькое, более действенное. Ампутацию, к примеру. Ведь он лежал там абсолютно обнаженный.

Еще один укол в руку, и сердце ускорило свой ритм, он вздрогнул. Вновь рядом Патрик увидел врача с его игрушечным шприцем. Значит, он опять обрел зрение. «Так у кого же сейчас деньги?» – спросил человек в белом халате.

Он сделал глоток содовой. Фельдшер возился чуть в стороне, улыбаясь. То, что происходило с Патриком, его совершенно не волновало. Внезапно Патрик ощутил, как подступила тошнота, а ведь он почти ничего не ел. Голова немного кружилась, однако он не хотел садиться, чтобы не застаивалась кровь – возможно, это поможет соображать. Взгляд его устремился к горизонту, туда, где едва виднелась рыбацкая лодка.

Требуя назвать банки, ему сделали еще несколько уколов. Патрик с отчаянием прокричал, что ему ничего не известно. Тогда к мошонке прицепили электроды, и ощущение боли поднялось на новый уровень. Затем опять провал в памяти.

Вспомнить последнюю стадию пытки никак не удавалось. Тело горело огнем. Сама смерть стояла где-то совсем рядом. Он звал Еву по имени, но вслух ли? Где она сейчас?

Выпустив из руки стакан с содовой, он протянул руку фельдшеру.

Дождавшись часа ночи, Стефано вышел из дома и, сев в машину жены, поехал по темной городской улице. Миновав на перекрестке фургон с двумя агентами ФБР, махнул им рукой и сбросил скорость, чтобы те смогли развернуться и последовать за ним. Когда он пересек Арлингтонский мост, за ним двигались уже две машины.

Почетный эскорт скользил по пустым вашингтонским улицам до самого Джорджтауна. Зная, куда едет, Стефано чувствовал себя увереннее. Он резко свернул с Кей-стрит направо, на Висконсин-авеню, и тут же повторил маневр, уйдя на Эм-стрит. В нарушение всех правил припарковал машину, полквартала прошагал до отеля «Холидэй инн».

Пройдя вестибюль, Стефано поднялся в лифте на третий этаж, где в номере-люкс его дожидался Гай. На протяжении нескольких месяцев Гай впервые вернулся в Штаты и последние три дня почти не спал. Однако Стефано это совершенно не интересовало.

На небольшом столике рядом с портативным магнитофоном лежала стопка – шесть кассет, каждая с наклейкой.

– Соседние комнаты пусты, – развел руки Гай. – Можешь слушать хоть на полную громкость.

– Они омерзительны. Уж лучше я заберу их с собой.

– Гаже не бывает. Не думаю, что еще раз решусь на такое.

– Можешь считать себя свободным.

– Тем лучше. Буду нужен – найдешь меня в коридоре.

Гай вышел из номера. Стефано снял трубку телефона, перебрал пальцами кнопки, и буквально через минуту в дверь постучал Бенни Арициа. Мужчины заказали черный кофе

и оставшуюся часть ночи провели слушая крики, которыми оглашал парагвайские джунгли Патрик Лэниган.

Бенни улыбался от удовольствия.

Глава 8

Сказать, что наступивший день был для газетчиков днем Патрика, значило не сказать почти ничего. Утренняя «Кост» на первых страницах не давала никаких иных сообщений.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЭНИГАНА С ТОГО СВЕТА!» – кричал крупный заголовок, под которым шли по меньшей мере шесть фотоснимков и четыре материала. История Патрика занимала основное место и в новостях Нового Орлеана, его родного города, газеты Джексона, Мобила, Мемфиса, Бирмингема, Батон-Ружа и Атланты тоже поместили на первых полосах фотографии Лэнигана.

Все утро два фургона телевизионщиков простояли у дома его матери в Гретне, пригороде Нового Орлеана. Пожилая дама мало что могла рассказать, кроме того, она находилась под охраной двух живших по соседству бдительных старушек, расхаживавших перед входной дверью и свирепо посматривавших на слетевшихся, как хищники, журналистов.

Прессу, устроившую засаду неподалеку от дома Труди в Пойнт-Клире, взял на себя Лэнс, усевшийся под тентом с охотничьим ружьем в руках. На нем были обтягивающая черная майка, черные башмаки и брюки, в которых он походил на наемника. В ответ на выкрикиваемые с почтительного расстояния банальные вопросы он только молча усмехался. Труди вместе с шестилетней Эшли Николь, которую не пустили в школу, пряталась в доме.

Репортеры бросились в центр города к юридической фирме, однако двое спешно нанятых плечистых охранников не подпустили их ко входу.

Журналисты кружили возле офиса шерифа, у здания, где находился рабочий кабинет Каттера, повсюду, где можно было рассчитывать пронюхать хоть что-то. Вовремя успев к дому, в котором размещалась администрация судебного округа, писакки успели заметить, как одетый в строгий серый костюм Витрано вручил клерку документ, позже описанный им самим как иск фирмы Патрику С. Лэнигану. Фирма хотела вернуть свои деньги, и Витрано выразил полную готовность обсуждать этот вопрос с журналистами до тех пор, пока это будет их интересовать.

Утро обещало быть весьма напряженным. Адвокат Труди проговорился, что около десяти часов он направится в Мобил для подачи заявления о разводе. Справился с поставленной перед ним задачей он великолепно. Несмотря на то что за свою жизнь ему пришлось оформить более тысячи разводов, сейчас он впервые делал это под объективами телекамер и неохотно дал согласие ответить на кое-какие вопросы репортеров. Требование развода основывалось на простом факте: муж бросил жену с ребенком; в заявлении приводились и другие его грехи. На ступенях здания суда адвокат охотно позировал перед объективами.

Довольно быстро распространился слух и о вчерашнем иске, том самом, в котором «Нозерн кейс мьючуэл» требовала от Труди Лэниган возврата двух с половиной миллионов долларов. Журналисты в поисках каких-либо деталей пролистали судебную папку, не забыв при этом проконсультироваться с ведущими дело адвокатами. Небольшая утечка здесь, лишнее слово там – и очень скоро газетчики узнали о том, что Труди без одобрения судейского чиновника не имела права выписывать чеки.

Страховая компания «Монарх-Сьерра» горела желанием получить свои четыре миллиона, не считая процентов и выплаченных адвокатам гонораров. Ее юристы в Билокси торопливо выдвинули против фирмы Патрика иск за получение не полагавшихся ей денег. Сам же Лэниган обвинялся в беспрецедентном обмане. Как повелось, представители прессы сунули кому нужно в карман, и копии судебного иска оказались у них спустя несколько минут после его регистрации.

Стало известно и о том, что Бенни Арициа тоже хочет получить назад свои девяносто миллионов. Его новый адвокат, задиристый болтун, имел свой подход к газетчикам. В десять

утра он созвал пресс-конференцию, пригласив в просторный конференц-зал каждого, кто хотел обсудить детали иска его клиента еще до того, как должным образом зарегистрировал этот иск в суде. А потом он позвал новых друзей-репортеров прогуляться с ним до здания суда. При этом говорил адвокат не переставая.

Поимка Патрика Лэнигана привела к такой вспышке юридической активности на побережье, какой не наблюдалось здесь долгие годы.

В гудящем от возбужденных голосов здании суда округа Гаррисон семнадцать членов большого жюри присяжных поднялись на второй этаж и уединились в тихой комнате за дверью без номера. Все они прибыли сюда по срочному звонку окружного прокурора Т. Л. Пэрриша, поднявшего их среди ночи. Тема предстоящего совещания была известна всем. Разобрав чашечки с кофе, присяжные заняли места вокруг длинного стола. Оказавшись в эпицентре разыгравшейся бури, каждый испытывал волнение, если не возбуждение.

Пэрриш поприветствовал их, извинился за неурочный вызов и предложил выслушать шерифа Суини, следователя Теда Гримшоу и специального агента ФБР Джошуа Каттера.

– Похоже, у нас появилось новое дело об убийстве, – сказал он, держа в руке номер утренней газеты. – Думаю, вы уже видели этот выпуск.

Сидевшие у стола согласно кивнули. Расхаживая вдоль стены с блокнотом в руках, Пэрриш зачитывал записи о прошлом Патрика Лэнигана, а также информацию, предоставленную его фирмой о Бенни Арициа. Он отдельно остановился на сообщении о смерти Лэнигана, оказавшемся досужей выдумкой, и на заметке о его похоронах. Все это было всем известно из лежавшей на столе газеты.

Затем прокурор пустил по кругу снимки сгоревшего автомобиля Патрика, фотографии с места катастрофы, сделанные на следующее утро, когда машину уже убрали: развороченная земля, остатки кустарника, обуглившиеся растения и ствол поваленного дерева. Пэрриш просил собравшихся с особым вниманием отнестись к цветным, двенадцать на четырнадцать, фотоснимкам найденного в машине труп.

– Безусловно, мы считали, будто это Патрик Лэниган, – улыбнулся он. – Однако теперь знаем, что ошиблись.

Почерневшие останки пострадавшего ничем не напоминали человеческое тело. Хорошо видна была лишь одна крупная кость. Пэрриш мрачно пояснил, что это тазобедренный сустав.

– Тазобедренный сустав мужчины, – добавил он, опасаясь, что члены большого жюри решат, будто Патрик положил в машину сбитого борова или другое домашнее животное.

Присяжные отнеслись к замечанию и снимкам с пониманием – отчасти потому, что смотреть там было почти не на что: ни крови, ни висевших на ветвях лохмотьев плоти. Тошноты не ощущалось. Он, она или кем бы там ни был погибший встретил свою смерть на переднем сиденье, справа от руля. Само сиденье сгорело, как и все остальное, полностью, до основания.

– Естественно, так мог гореть только бензин, – сказал Пэрриш. – Мы знаем, что Патрик по дороге заправился, так что произошел взрыв не менее чем двадцати галлонов горючего. Наш следователь отметил: пламя было необычайно жарким и интенсивным.

– А остатков какой-либо канистры не обнаружили? – уточнил кто-то из присяжных.

– Нет. Возможно, бензин был в пластиковых контейнерах, а они сгорают полностью. С подобными случаями мы сталкиваемся постоянно.

– А тела всегда в столь ужасающем состоянии? – спросил другой присяжный.

– Нет, – мгновенно ответил Пэрриш, – далеко не всегда. Честно говоря, мне еще не приходилось видеть столь сильно обгоревшего трупа. Будет сделана попытка эксгумации, но, как вам должно быть известно, имела место кремация.

– Есть предположения о том, кто это мог быть? – поинтересовался Ронни Беркс, портовый рабочий.

– Мы проверяли одну гипотезу, но выводы пока делать рано.

Прозвучали и другие вопросы, однако ни один не выделялся из общего ряда – примитивные попытки как-то уточнить то, о чем молчали газеты. Жюри единогласно проголосовало за предъявление Патрику Лэнигану обвинения в совершении умышленного убийства, имевшего место уже после другого преступления, то есть кражи. Наказание за это следовало суровое – смертная казнь посредством инъекции яда в Парчмэне.

Меньше двадцати четырех часов потребовалось на то, чтобы обвинить Патрика Лэнигана в умышленном убийстве, отправить ему повестку в суд в связи с разводом, привлечь его к делам о девяноста миллионах Ариция (плюс банковский процент на эту сумму), о тридцати миллионах, потерянных его коллегами по работе, и о четырех миллионах, выплаченных «Монарх-Сьеррой», не считая дополнительно взыскиваемых десяти миллионов.

Благодаря компании Си-эн-эн обо всем этом он узнал очень быстро.

Прокуроры Т. Л. Пэрриш и Морис Маст, стоя с мрачным видом перед объективами телекамер, в один голос заявили: добропорядочные граждане округа Гаррисон в лице избранного из их числа большого жюри присяжных приступили к изложению обвинений, предъявляемых Патрику Лэнигану, убийце и вору. Вопросы журналистов, на которые не существовало ответов, оба прокурора обошли молчанием, ускользнули от тех, на которые вполне могли ответить, и убежденно предрекли появление новых обвинений.

Когда камеры выключили, Пэрриш и Маст в спокойной обстановке встретились с достопочтенным судьей Карлом Хаски, одним из трех, работавших в округе Гаррисон. Хаски когда-то был близким другом Патрика. Дела распределялись между судьями произвольно, однако Хаски, так же как и его коллеги, прекрасно знал, где следует надавить, чтобы получить или не получить то или иное дело. Сейчас он горел желанием взять на себя процесс Патрика Лэнигана.

Поедая сандвич с помидором, Лэнс, сидевший в одиночестве на кухне, заметил на заднем дворе, возле бассейна, какое-то движение. Он подхватил ружье, выскользнул из дома, прокрался за кустами и увидел круглощекого репортера с тремя болтающимися на груди камерами. Босой Лэнс на цыпочках подкрался к журналисту, поднес направленный вверх ствол к его голове и нажал на спусковой крючок.

Фотограф кинулся на землю лицом вниз и испуганно заорал. Лэнс пнул его между ног раз, другой. Тот перевернулся и скользнул взглядом по лицу нападавшего.

Сорвав с шеи репортера камеры, Лэнс с размаху швырнул их в бассейн. Стоявшая во внутреннем дворике Труди обмерла от ужаса.

Лэнс прокричал, чтобы она вызвала полицию.

Глава 9

– А сейчас я уберу отмершую кожу, – сказал врач, осторожно касаясь ран на груди заостренным хирургическим инструментом. – Может, ввести обезболивающее?

– Нет, благодарю вас, – ответил Патрик, сидевший на кровати.

В комнате находились две сестры милосердия и Луис.

– Вам будет больно, Патрик, – предупредил врач.

– Бывало и хуже. Да и куда вы собираетесь колоть? – Он поднял левую руку, покрытую багровыми кровоподтеками. Все его тело представляло собой сплошной синяк. – Хватит с меня наркотиков.

– Хорошо, как скажете.

Патрик откинул голову назад и вцепился руками в боковые поручни кровати. Обе сестры вместе с Луисом держали его лодыжки, пока врач поддевал скальпелем засохшие струпья и срезал их.

Патрик закусил губы и прикрыл глаза.

– Как насчет укола, а? – спросил врач.

– Нет... – выдавил Патрик.

Осторожная работа скальпелем. Кучка засохших струпьев увеличилась.

– Раны прекрасно заживают, Патрик. Думаю, мы сможем обойтись без пересадки.

– Тем лучше. – Патрик стиснул зубы.

Из девяти ожогов четыре были достаточно серьезными, чтобы считаться ожогами третьей степени: два на груди, один на левом бедре и один на правой икре. Запястья, локти и колени, растертые веревкой в кровь, покрывал слой мази.

Через полчаса врач закончил свои манипуляции и напомнил Патрику, что ему нужен покой, причем лучше всего оставаться без одежды или повязок. Покрыв освобожденные от омертвевшей кожи участки прохладной мазью, он вновь предложил болеутоляющее, но Патрик опять отказался.

Врач и сестры поднялись. Луис проводил их, после чего закрыл дверь, опустил жалюзи на окнах и достал из кармана своего белого халата небольшую фотокамеру «Кодак» со вспышкой.

– Встань там. – Патрик указал на изножье кровати. – Сделай кадр, на котором будет видно все тело, включая лицо.

Луис поднял камеру и попятился к стене. Раздался щелчок, по глазам ударила яркая вспышка.

– Теперь перейди туда, – указал Патрик.

Фельдшер подчинился. Поначалу он выражал категорическое несогласие делать снимки, заявляя, что должен сообщить об этом своему начальству. Живя на границе с Парагваем, Патрик не только значительно усовершенствовал свой португальский, но и приобрел некоторый навык общения на испанском. Теперь уже он понимал почти все, что слышал от Луиса. Язык денег был универсальным, и фельдшер очень быстро осознал, что его услуги как фотографа оцениваются в пять сотен американских долларов. Он согласился купить три простенькие камеры, сделать около сотни снимков, проявить их за ночь и спрятать за пределами госпиталя в ожидании дальнейших указаний.

Пятисот долларов у Патрика с собой не было, однако он смог убедить Луиса, что является человеком честным и вышлет деньги, как только доберется до дома.

Особыми талантами фельдшер не блистал, да и камеры в его распоряжении были далеко не лучшими. Патрику пришлось объяснять, каким должен быть каждый снимок. Крупным планом – ожоги на груди и бедре, крупным планом – ободранные, в синяках

суставы. Работа двигалась довольно быстро, поэтому оставался шанс, что их никто не застигнет врасплох. Приближалось время обеда, когда в палату вновь явятся сестры.

Луис покинул госпиталь во время обеденного перерыва и оставил отснятые пленки в магазине – пусть проявят.

Тем временем Рио Осмар убедил секретаршу из фирмы Евы принять тысячу долларов наличными в обмен на последние сплетни. Их оказалось не так много. Сначала партнеры фирмы демонстрировали полнейшее спокойствие. Однако записи телефонных разговоров свидетельствовали о двух звонках из Цюриха. Звонки эти были сделаны из отеля, как определил в Вашингтоне Гай. Другая информация отсутствовала – эти швейцарцы всегда такие скрытные.

Длительное отсутствие Евы начало внушать тревогу ее коллегам и партнерам. Довольно спокойное перемирование косточек сменилось ежедневными разговорами о том, что же они должны теперь делать. Она позвонила один раз в первый день, один раз – во второй, потом полное молчание. Имя таинственного клиента, на встречу с которым отправилась Ева, так и осталось невыясненным, а другие клиенты, ждавшие ее совета или содействия, начали изводить фирму ультимативными требованиями и угрозами. Все сроки, все важные встречи и переговоры летели к черту.

В конце концов было принято решение временно вывести Еву из штата и заняться ею позже, после ее возвращения.

Осмар и его люди до того запугали отца Евы, что тот потерял сон. Они следили за подъездом его дома, ходили за стариком по пятам по запруженным улицам Ипанемы. Родилась идея захватить его и потрясти, чтобы развязать язык, однако он был достаточно осторожен и старался не оставаться в одиночестве.

В третий раз пытаясь проникнуть в спальню Труды, Лэнс обнаружил, что дверь не закрыта на замок. Он спокойно вошел с таблеткой валиума и бутылкой ее любимой ирландской минеральной воды, обошедшейся в четыре доллара, без слов уселся рядом на постели и протянул пилюлю. Труды выпила ее – вторую за этот час – и запила водой из бутылки.

Полицейская машина, увезшая круглощекоего фотографа, отъехала от дома около часа назад. Двое полисменов минут двадцать покрутились во дворе, задавая дурацкие вопросы. Они явно не испытывали никакого желания вступать в это дело. Прессе рекомендовали держаться от дома подальше. Полиция даже с некоторым сочувствием отнеслась к Лэнсу. Труды сообщила имя своего адвоката на тот случай, если ее вздумают в чем-нибудь обвинить. Лэнс пообещал разобраться с каждым, кому взбрет в голову вызвать его в суд.

Когда полицейские убралась, Труды как с цепи сорвалась и, дождавшись, пока нянька с ребенком выйдут из дома, швырнула подушки с дивана в камин и стала выкрикивать в адрес Лэнса – ближайшей жертвы – непристойности. Для ее измученных нервов это было уже чересчур: новость о Патрике, иск страховой компании, ущемление в правах, нашествие репортеров и, наконец, инцидент у бассейна.

Но теперь, после таблетки валиума, она была спокойна. Лэнс с облегчением вздохнул. Ему хотелось коснуться Труды, погладить ее по колену, сказать что-нибудь ласковое, но в подобной ситуации это было рискованно. Одно неверное движение – и она опять придет в бешенство. Нет, лучше дать Труды время остыть.

Она бросилась на постель и закрыла глаза. Комната, как и весь дом, была погружена в полумрак: шторы и жалюзи опущены, свет приглушен или выключен. Вокруг дома сновали сотни людей, непрерывно жужжа камерами, словно они исполнились желания снять фильм о всех невысказанных похождениях Патрика. В полдень местная телекомпания в программе

новостей показала их дом, а какая-то вульгарная желтолицая дама с лошадиными зубами распространялась о Патрике и о возбуждении супругой дела о разводе.

Супруга Патрика! При мысли об этом Труди почувствовала онемение. Да она не была его женой уже четыре с половиной года! Она устроила ему достойные похороны, а потом в ожидании денег честно пыталась забыть о нем. К тому моменту когда деньги были получены, Патрик превратился в смутное воспоминание.

Единственный трудный момент наступил тогда, когда она попыталась объяснить двухлетней дочери, что ее отец отправился на небеса, где ему будет, безусловно, намного лучше, чем здесь с ними. На какое-то мгновение девочка казалась озадаченной, но очень быстро страхнула с себя оцепенение, как это могут только дети. В присутствии ребенка никто больше не имел права произносить имя Патрика – нельзя было травмировать бедняжку, как объяснила Труди. Девочка не помнит своего отца, так что нечего и говорить с ней о нем.

За исключением этого небольшого эпизода, Труди с удивительной выдержкой несла бремя вдовства. Она ездила за покупками в Новый Орлеан, заказывала продукты из Калифорнии, два часа в день исходила потом, занимаясь аэробикой, тратила кучу денег на дорогую косметику. Завела няньку, чтобы иметь возможность путешествовать вместе с Лэнсом. Оба предпочитали Карибы, особенно остров Святого Барта с изумительными пляжами для нудистов, где было так хорошо загорать и болтать с французами.

Рождество они встретили в Нью-Йорке, на Плазе. Январь прошел на горнолыжном курорте в Вейле, где собирались сливки общества. Май обещал Париж и Вену. Вместе с Лэнсом она мечтала о персональном реактивном самолете, как у тех восхитительных людей, с которыми время от времени сводила их жизнь. Небольшой бывший в употреблении «лир» стоил всего миллион, однако теперь об этом не могло быть и речи.

Лэнс уверял, что работает над этой идеей, но Труди всегда тревожилась, как только он начинал проявлять интерес к делам. Ей было известно, что ее приятель промышляет незаконной перевозкой наркотиков, но ведь Мехико совсем рядом, значит, и риск минимальный.

Ненависти к Патрику она не испытывала, во всяком случае, к мертвому. Однако тот факт, что он жив и готов вернуться, чтобы осложнить все, внушал ей сильнейшее отвращение. Впервые они встретились на вечеринке в Новом Орлеане, когда Труди из-за чего-то обиделась на Лэнса и подыскивала себе нового мужа – многообещающего и желательного с деньгами. Ей было тогда двадцать семь. За четыре года до этого она вырвалась из плена жуткого замужества и не жалела сил, чтобы обрести стабильное положение в обществе. Патрику только исполнилось тридцать три, он ни разу не был женат и не имел ничего против. Приличная фирма в Билокси, где Труди в то время и жила, предложила ему место, и он с радостью согласился. Четыре месяца бурной страсти – и на Ямайке был заключен брак. А спустя три недели после медового месяца в квартиру молодоженов прокрался Лэнс. Пока Патрик был в короткой деловой поездке, он провел с Труди ночь.

Сейчас она никак не могла позволить себе лишиться денег, в этом не было и тени сомнения. Ведь должен же ее адвокат что-то придумать, найти какую-нибудь уловку, которая позволит сохранить оставшееся. За это ему и платят. Не сможет же страховая компания отнять у нее дом, мебель, машины и одежду, арестовать банковские счета, забрать катер и прочие роскошные безделушки, на которые ушли почти все деньги. Это было бы просто нечестно. Патрик умер. Она похоронила его. Она уже четыре с лишним года вдова. Это что-то да значит.

Вовсе не по ее вине он оказался жив.

– А знаешь, нам придется убить его, – сказал Лэнс. Когда опустились сумерки, он перебрался в кресло, стоявшее между диваном и окном.

Труди не шелохнулась, но на мгновение задумалась.

– Не валяй дурака. – Прозвучало это не очень убедительно.

- Выбора у нас нет, и ты понимаешь это.
- У нас и так хватает проблем.

Труди перевела дыхание. Она лежала без движения, прикрыв глаза. Как хорошо, что Лэнс сам заговорил об этом. Естественно, Труди уже размышляла об убийстве, в первые минуты после того, как узнала, что Патрика вот-вот доставят домой. В голове ее проносились различные варианты, каждый из которых заканчивался одним: ради того, чтобы сохранить деньги, Патрика необходимо убить. В конце концов, речь шла о страховом полисе на его жизнь.

Сама она не могла убить мужа – это было бы просто смешно. А вот у Лэнса имелось достаточно друзей, способных покончить с Патриком.

- Ты же не захочешь потерять деньги, а? – спросил он.
- Я не могу сейчас думать об этом, Лэнс. Может, чуть позже.

– Долго ждать нам никак нельзя, малышка. Страховая компания, черт возьми, нас уже почти придушила.

– Лэнс, ну пожалуйста!

– Другого пути нет. Если ты хочешь сохранить дом, деньги, все, что у нас есть, то Патрик должен умереть.

Долгое время Труди лежала молча, но душа ее радовалась услышанному. Несмотря на почти полное отсутствие мозгов и множество других недостатков, Лэнс оставался единственным мужчиной, которого она любила. Он сообразит, как избавиться от Патрика. Но вот хватит ли у него ума, чтобы не попасть потом под подозрение?

Агента звали Brent Майерс, он был из отделения ФБР в Билокси. Каттер лично дал ему это задание. Майерс представился и протянул Патрику, державшему в руке пульт управления телевизором, значок специального агента.

- Очень приятно. – Патрик накинул простыню на армейские трусы.
- Я из отделения в Билокси. – Майерс искренне пытался быть вежливым.
- Это где же? – Лицо Патрика походило на маску.

– Думаю, нам стоит узнать друг друга получше. На протяжении нескольких месяцев мы будем общаться довольно часто.

- Сомневаюсь.
- У вас уже есть свой адвокат?
- Пока нет.
- Собираетесь воспользоваться его услугами?
- Это вас абсолютно не касается.

Разговор с таким опытным юристом, как Лэниган, давался Майерсу непросто. Положив руки на поручни по бокам кровати, он с угрозой посмотрел на Патрика:

- Врач говорит, через пару дней вы будете готовы к перевозке.
- Вот как? Но я готов и сейчас.
- В Билокси вас дожидается целая компания.
- Я в курсе. – Патрик кивнул в сторону телевизора.
- Кое-какие вопросы покажутся вам весьма неприятными.

Патрик с презрением фыркнул.

– И все же, – Майерс сделал шаг назад, к двери, – по дороге домой я буду сопровождать вас. – Он бросил на простыню свою визитку. – Там номер телефона в отеле, где я остановился. Будет желание поболтать – звякните.

- Ненавижу сидеть у телефона.

Глава 10

Сэнди Макдермотт с огромным интересом вчитывался в газетные сообщения об удивительном воскрешении его старого приятеля по юридическому факультету. Вместе с Патриком Лэниганом он три года учился в университете Тулейна. После сдачи экзамена на звание адвоката оба какое-то время были клерками у одного судьи и провели немало часов вместе в пивном баре, обсуждая планы покорения мира. Было принято твердое решение создать свою фирму – небольшую, но мощную, где будут работать лучшие адвокаты, неизбежно почитающие неписаный кодекс чести. Сначала оба станут состоятельными людьми, а затем будут жертвовать десятью часами в месяц на тех, кто окажется не в состоянии заплатить. Все было отлично спланировано.

Но жизнь внесла свои коррективы. Сэнди принял предложение стать помощником государственного прокурора – главным образом из-за хорошего заработка (он в то время только женился). Патрик затерялся среди двухсот юристов какой-то фирмы, расположенной в деловом квартале Нового Орлеана. Семейными узами до поры он не был связан и восемьдесят часов в неделю проводил на работе.

Блестящими проектами относительно собственной маленькой фирмы они тешили себя лет до тридцати. Старались чаще встречаться за ленчем или вместе выпивать по вечерам, однако с течением времени такие встречи, как и телефонные разговоры, случались все реже. Затем Патрик переехал в Билокси, и бывшие приятели перезванивались от силы раз в год.

Жизнь Сэнди кардинально изменилась, когда приятель его двоюродного брата, работавший на нефтяной платформе в Мексиканском заливе, получил серьезную травму. Сэнди тут же занял десять тысяч долларов, открыл собственную контору, подал в суд на нефтяную компанию «Экссон» и умудрился получить сумму в три миллиона долларов, треть которой досталась лично ему. Так было положено начало делу. Без участия Патрика он создал маленькую фирму, где три юриста занимались вопросами травм и гибели рабочих на морских нефтепромыслах.

Узнав о смерти Патрика, Сэнди уселся за стол с календарем в руке и высчитал, что последний раз виделся с другом девять месяцев назад. Это огорчило его, но не считаться с реальностью было нельзя. Как и большинство сокурсников, они просто пошли по жизни различными путями.

Он утешал Труди. Он помогал нести гроб к могиле.

Когда шестью неделями позже исчезли деньги и поползли странные слухи, Сэнди расхохотался и пожелал другу счастья. «Беги, Патрик, беги», – множество раз за прошедшие четыре года думал он и всегда при этом улыбался.

Офис Сэнди находился на Пойдрес-стрит в прекрасном здании девятнадцатого века, приобретенном после какой-то удачной сделки. Второй и третий этажи Сэнди сдавал внаем, а первый оставил для себя, двоих своих партнеров, трех помощников и секретарш.

Он был чрезвычайно занят, когда вошедшая в кабинет секретарша с недовольным видом заявила:

– Вас хочет видеть дама.

– Ей назначена встреча? – спросил Сэнди.

– Нет. Говорит, дело срочное. Это связано с Патриком Лэниганом. Она назвала себя юристом, – добавила секретарша.

– Откуда она?

– Из Бразилии.

– Бразилии?

- Да.
- Она, что, и похожа на бразильянку?
- По-моему, да.
- Проводите ее ко мне.

Сэнди встретил гостью у двери и радушно поприветствовал.

Ева представилась:

- Лиа.
- Простите, не расслышал вашей фамилии, – улыбнулся Сэнди.
- Я ею редко пользуюсь. Во всяком случае, пока.

Наверняка бразильянка, решил он. Как великий Пеле – просто имя, без всякой фамилии.

Он предложил гостье сесть в стоявшее в углу кресло и попросил секретаршу принести кофе. Лиа неторопливо уселась. Сэнди окинул ее внимательным взглядом. Одета гостья была строго, без всякого шика. Глаза у нее восхитительные, светло-карие и очень усталые. Длинные темные волосы ниже плеч.

У Патрика всегда был хороший вкус. С Труды ему не повезло, хотя она была красивой женщиной, водители на улице, увидев ее, всегда притормаживали.

- Я пришла к вам от имени Патрика, – осторожно начала Лиа.
- Это он послал вас?
- Да, он.

У нее был мягкий низкий голос, говорила она почти без акцента.

- Вы учились в Штатах?
- Да. Изучала право в Джорджтауне.

Вот чем можно объяснить почти безукоризненный американский английский.

- Где же вы практикуете?
- В Рио. Занимаюсь международной торговлей.

Она пока ни разу не улыбнулась, и это беспокоило Сэнди. Гостья издалека. Восхитительная гостья, умная и с безупречными ногами. Ему хотелось, чтобы эта женщина чувствовала себя в его кабинете как дома. В конце концов, они в Новом Орлеане.

- Это там вы встретили Патрика?
- Да, в Рио.
- Вы общались с ним с того момента, как...
- Нет, до того, как его захватили.

Она чуть не призналась, как сильно обеспокоена. Но это прозвучало бы непрофессионально, а она здесь не для того, чтобы рассказывать кому бы то ни было о своих отношениях с Патриком. Сэнди Макдермотт заслуживает доверия, но и ему информацию можно выдавать лишь малыми порциями.

Повисла пауза, во время которой оба отвели взгляды. Сэнди понял, что всего она не расскажет ему никогда. Но ведь у него столько вопросов! Как Патрик украл деньги? Каким образом попал в Бразилию? Как познакомился с Лиа? И самый главный вопрос: где деньги?

- Так что же я могу для вас сделать?
- Хочу нанять вас – для Патрика.
- Я свободен.
- Меня очень волнует вопрос конфиденциальности.
- Как и каждого из нас.
- Сейчас все по-другому.

«Понимаю. Девяносто миллионов делают жизнь другой», – подумал Сэнди.

– Могу заверить вас: что бы вы или Патрик ни сказали мне, все будет сохранено в тайне, – заметил он с обезоруживающей улыбкой, которую гостья, казалось, не заметила.

- Вас могут заставить поделиться секретами вашего клиента.
- Это меня не беспокоит. Я в состоянии постоять за себя.
- Вам будут угрожать.
- Мне и раньше угрожали.
- За вами установят слежку.
- Кто?
- Очень неприятные типы.
- Кто именно?
- Те, кто охотится за Патриком.
- Мне казалось, они уже добрались до него.
- До него, но не до денег.
- Ясно.

Значит, деньги никуда не делись. Ничего удивительного. Сэнди было понятно, что за минувшие четыре года Патрик никак не мог промотать целое состояние. Но сколько осталось?

- Где деньги? – спросил он, не ожидая получить ответа.
- Такой вопрос неправомерен.
- И все-таки я задал его.

Лиа улыбнулась и сделала новый шаг:

– Давайте уточним некоторые детали. Сколько вы рассчитываете получить?

– А для чего я нанят?

– Представлять интересы Патрика.

– Какие именно? Если верить газетам, понадобится целая армия юристов, чтобы хоть как-то прикрыть его фланги.

– Сто тысяч долларов?

– Для начала сойдет. Я должен буду иметь дело с гражданским и уголовным судопроизводством?

– И с тем и с другим.

– Только я?

– Да. Другой юрист ему не нужен.

– Я тронут, – сказал Сэнди.

Он и в самом деле не лукавил. Патрик мог обратиться к десяткам юристов, имевших более богатый опыт общения с клиентами, которым грозила смертная казнь, юристов с хорошими связями на побережье, к юристам из крупных фирм с мощными возможностями и, без сомнения, к тем, кто был ему намного ближе, чем Сэнди, в последние восемь лет.

– Можете считать меня своим, – сказал наконец он. – Патрик – мой старый друг, как вы знаете.

– Знаю.

Много ли ей на самом деле известно? Или для Патрика она стала больше, чем юристом?

– Я хотела бы перевести деньги сегодня же. Не дадите ли вы мне более точные указания?

– Безусловно. Я подготовлю контракт на оказание юридических услуг.

– Есть еще несколько моментов, которые беспокоят Патрика. Один из них – огласка.

Он против того, чтобы вы что-то сообщали прессе. Никаких пресс-конференций, без согласования с ним по крайней мере. Не нужно даже обычного «без комментариев».

– Это не проблема.

– Вы не сможете написать об этом книгу, когда все закончится.

Сэнди едва не расхохотался, но Лиа не оценила комичности ситуации.

– У меня не появится и подобной мысли.

– Патрик настаивает, чтобы это стало одним из пунктов контракта.

Сэнди оборвал смех и сделал запись в блокноте.

– Что-нибудь еще?

– Да. Имейте в виду, что ваш офис, как, собственно, и дом, будет прослушиваться. Вам придется нанять эксперта по безопасности. Платить ему будет Патрик.

– Согласен.

– И лучше всего, если больше мы здесь не встретимся. Есть люди, которым до смерти хочется отыскать меня, – они считают, что я смогу вывести их к деньгам. Встречаться будем в других местах.

Возразить на это Сэнди было нечего. Он рассчитывал оказать помощь этой женщине, предложить свою защиту, спросить, куда она отправится от него и как будет скрываться, однако Лиа, видимо, уже продумала все.

Она бросила взгляд на часы:

– Через три часа вылетает самолет в Майами. У меня в сумочке два билета в первый класс. Можем поговорить на борту.

– М-м... куда же я направляюсь?

– Слетаете в Сан-Хуан, увидите с Патриком. Я все устроила.

– А вы?

– Я полечу в другое место.

Пока они ждали подготовки реквизитов для перевода денег, Сэнди попросил секретаршу принести еще кофе и булочек. На три ближайших дня он отменил все встречи. Супруга Сэнди принесла в офис дорожную сумку.

Помощник довез их до аэропорта. Еще в пути Сэнди заметил, что у Лиа не было багажа – ничего, кроме небольшой кожаной сумочки, довольно старой, но все еще элегантной.

– Где вы живете? – спросил он, когда они сидели в небольшом кафе, убивая оставшееся до вылета время.

– То здесь, то там, – ответила она, поглядывая в окно.

– Как я смогу найти вас?

– Уточним это позже.

Они заняли места в третьем ряду первого класса. В течение двадцати минут после взлета Лиа не проронила ни слова, сосредоточенно перелистывая журнал мод. Читать толстый справочник Сэнди не хотелось. Хотелось говорить, задавать бесконечные и вполне естественные в этой ситуации вопросы.

Но их будто разделяла стена, глухая и непроницаемая, более прочная, чем могла разделять просто малознакомых мужчину и женщину. Лиа знала ответы на все волновавшие его вопросы, однако предпочитала держать их при себе. Сэнди оставалось лишь сохранять установленную ею дистанцию.

Стюардесса разнесла соленые орешки и крекеры. От шампанского они отказались, предпочтя обыкновенную воду.

– Как давно вы знакомы с Патриком? – осторожно спросил он.

– Чем вызван такой вопрос?

– Извините. Скажите, есть ли вообще что-нибудь, что вы могли бы рассказать мне о том, как Патрик прожил последние четыре года? В конце концов, я его старый друг, а теперь еще и его адвокат. Вы не должны укорять меня за любопытство.

– Будет лучше, если об этом вы спросите его самого, – с едва заметной теплотой в голосе ответила Лиа и вновь переключилась на журнал.

Сэнди занялся орешками.

Когда самолет начал снижаться, Лиа заговорила четко и быстро:

– Несколько дней мы с вами не увидимся. За мной охотятся, и я не могу оставаться на одном месте. Все инструкции передаст вам Патрик, и какое-то время мы с ним будем поддерживать связь только через вас. Обращайте внимание на все: на незнакомцев у телефона-автомата, на каждую следующую за вами машину, на личностей, шляющихся вокруг вашего офиса. Как только люди, которые сейчас ищут меня, поймут, что вы представляете интересы Патрика, они устремятся и за вами.

– Кто они?

– Патрик скажет.

– Деньги у вас?

– На этот вопрос я не могу ответить.

Облака под крылом самолета становились все ближе. Сумма, само собой, выросла. Патрик не идиот. Он доверил деньги профессионалам в каком-нибудь иностранном банке и получал не менее двенадцати процентов в год.

До посадки и он, и она хранили молчание. Торопливо прошли по залу в сторону терминала, где регистрировали пассажиров на Сан-Хуан. Лиа крепко стиснула руку Сэнди.

– Передайте Патрику, что со мной все в полном порядке.

– Он спросит, где вы.

– В Европе.

Сэнди проследил взглядом, как она исчезла в потоке пассажиров, и поймал себя на мысли, что завидует старому другу. Такие деньги. Такая женщина.

В себя его привело раздавшееся из динамиков приглашение на посадку. Тряхнув головой, Сэнди подумал: как можно завидовать человеку, который вот-вот переступит порог камеры смертников, чтобы прождать в ней лет десять исполнения приговора? А сотня голодных юристов, готовых в поисках денег содрать с него кожу?

Зависть! Он уселся в кресло первого класса, впервые ощутив преимущества положения человека, представляющего интересы Патрика Лэнигана.

Взяв такси, Ева доехала до скромного отеля на берегу, где провела ночь. Здесь ей предстояло пробыть несколько дней – все зависело от того, как будут развиваться события в Билокси. Патрик велел ей почаще переезжать с места на место и нигде не проводить более четырех дней. В отеле она зарегистрировалась под именем Лиа Перес, расплатилась при помощи золотой кредитной карточки. Заполняя форму, она указала адрес в Сан-Паулу.

Переодевшись, Ева отправилась к морю. Пляж в середине дня был полон народу, и это устраивало ее. В Рио то же самое, но там всегда наткнешься на кого-нибудь из знакомых. Здесь же она предоставлена самой себе: очаровательная незнакомка, старательно поджаривающаяся в лучах жаркого солнца.

И все-таки ей хотелось домой.

Глава 11

На то, чтобы проникнуть за внешнюю ограду военно-морской базы, у Сэнди ушло не меньше часа. Его новый клиент не ставил целью хоть как-то помочь своему адвокату. О прибытии Сэнди никто не знал. Пришлось пускать в ход угрозы немедленного вызова в суд, обещания тут же связаться по телефону с именитыми сенаторами и другими властью имущими, громкие и возмущенные жалобы на нарушение прав гражданина США. Только в сумерках Сэнди добрался до здания госпиталя. Медсестра проводила его к Патрику.

Погруженная в темноту палата освещалась лишь голубоватым свечением поднятого едва ли не к потолку телевизора. Шел репортаж с футбольного матча в Бразилии. Двое друзей обменялись рукопожатием. Последний раз они виделись шесть лет назад. Патрик, скрывая раны, натянул простыню до подбородка.

Если Сэнди и рассчитывал на теплую встречу, то ему пришлось довольствоваться сдержанным приветствием. Стараясь не оскорбить друга, он исподволь вглядывался в его лицо: худое, почти изможденное, с невесть откуда появившимся квадратным подбородком и заострившимся носом. Патрик вполне мог сойти за кого-нибудь другого, если бы не глаза. Голос тоже остался прежним.

– Спасибо за то, что приехал, – сказал Патрик. Слова прозвучали с натугой, словно стоили ему значительных усилий.

– Оставь. А потом, особого выбора у меня не было. Аргументы твоей приятельницы оказались чертовски убедительными.

Патрик закрыл глаза и прикусил кончик языка, мысленно произнеся короткую молитву. Евы здесь не было, и она находилась в безопасности.

– Сколько она тебе заплатила? – спросил он.

– Сто тысяч.

– Хорошо.

Последовала долгая пауза. Сэнди понял, что в их разговоре она далеко не последняя.

– С ней все в порядке, – сказал он. – Замечательная женщина. Умна, как дьявол, и полностью держит ситуацию в руках. Если это тебя интересует.

– Тем лучше.

– Когда ты видел ее в последний раз?

– Пару недель назад. Я потерял представление о времени.

– Кто она – жена, подруга, продажная женщина?..

– Юрист.

– Юрист?

– Да.

Это удивило Сэнди. Патрик опять замолчал: ни звука, ни движения под простыней. Шли минуты. В ожидании Сэнди уселся на единственный в палате стул. Патрику предстояло вновь войти в отвратительный мир, населенный врагами, но, если сейчас ему хотелось лежать и смотреть в потолок, Сэнди ничего не имел против. У них еще будет время поговорить. О многом.

Патрик жив, и все остальное отошло на второй план. Сэнди вспомнились похороны: гроб, опускавшийся в могилу холодным и пасмурным днем, слова священника, сдерживаемые рыдания Труди. Надо же, оказывается, в то самое время Патрик прятался в ветвях дерева и наблюдал за происходившим – как уже три дня писали все газеты.

Значит, он выждал, а потом схватил денежки. Многие мужчины к сорока сдаются. Душевный кризис толкает одних в объятия новой жены, другие предаются воспоминаниям

о студенческой скамье. С Патриком все случилось по-другому. Он поднялся на свой пик, имитировав собственную смерть, украв девяносто миллионов и скрывшись!

Но в машине были найдены чьи-то обгоревшие останки, и это могло роковым образом повлиять на дальнейшую судьбу Патрика.

– Дома создали чуть ли не комиссию по торжественной встрече, Патрик, – сказал Сэнди.

– Кто же председатель?

– Трудно сказать. Два дня назад Труди подала на развод, но из всех твоих проблем эта – самая незначительная.

– Тут ты прав. Позволю себе высказать догадку: она хочет получить половину денег.

– Она хочет очень многого. Кроме того, большое жюри присяжных признало тебя виновным в убийстве. Я говорю о жюри штата.

– Видел по телевизору.

– Вот и хорошо. Значит, об исках тебе все известно.

– Да. Си-эн-эн постоянно держала меня в курсе событий.

– Тебе не в чем их обвинить, Патрик. История и в самом деле удивительная.

– Спасибо.

– Когда ты захочешь поговорить?

Повернувшись на бок, Патрик посмотрел на выкрашенную белой краской стену.

– Меня пытали, Сэнди, – негромким, ломающимся голосом произнес он.

– Кто?

– Опутали тело проводами и пустили ток. Они издевались надо мной до тех пор, пока я не заговорил.

Поднявшись, Сэнди подошел к кровати, положил руку на плечо друга.

– Что ты сказал им?

– Не знаю. Не могу вспомнить все. Меня накачивали наркотиками. Кололи вот сюда, смотри. – Он поднял левую руку, чтобы Сэнди увидел следы уколов.

Тот нащупал и повернул выключатель стоявшей на столе лампы.

– О Боже!

– Спрашивали только о деньгах. Я терял сознание, приходил в себя, и тогда они вновь включали ток. Боюсь, что о ней я все же проговорился, Сэнди.

– О своем юристе?

– Да, о ней. Каким именем она назвалась?

– Лиа.

– Хорошо. Пусть будет Лиа. Я мог проболтаться о ней. Я почти уверен, что сделал это.

– Проболтаться кому, Патрик?

Он закрыл глаза; ноги его пронзила боль. Осторожно перевернувшись, Патрик устроился на спине, опустив простыню до груди.

– Взгляни, Сэнди. – Он указал на пятна ожогов. – Вот доказательства.

Сэнди склонился, чтобы посмотреть на ужасные красные следы.

– Кто это сделал? – спросил он.

– Не знаю. Кто-то. В комнате их было много.

– Где это происходило?

Патрику стало жаль друга. Сэнди хотел узнать, что случилось, но его интересовала не только пытка. Как и весь мир, Сэнди горел желанием узнать детали похищения денег. История и на самом деле была захватывающая, однако Патрик не был уверен, много ли он может рассказать. Подробности автомобильной катастрофы не известны никому. Однако своему другу и адвокату Патрик мог открыть то, как его захватили и пытали. Он вновь натянул простыню повыше.

– Придвинь стул поближе и сядь, Сэнди. И выключи свет – он меня раздражает. Сэнди торопливо выполнил просьбу, усевшись как можно ближе к постели.
– Вот что они со мной сделали, Сэнди, – сказал Патрик в полумраке.
Он начал с Понта-Пору, с пробежки и машины, у которой спустила шина...

В день похорон отца Эшли Николь исполнилось ровно двадцать пять месяцев. Девочка была слишком маленькой, чтобы помнить Патрика. Единственным мужчиной в доме был Лэнс, тот самый человек, которого она всегда видела рядом с матерью. Время от времени Лэнс подвозил ее до школы. Время от времени все они обедали дома, как настоящая семья.

После похорон Труди спрятала фотографии и остальные свидетельства совместной жизни с Патриком. Имени отца Эшли Николь никогда не слышала.

Однако по истечении трех дней, когда репортеры толпились перед их домом, девочка начала задавать вопросы. Мать ее вела себя как-то странно. Атмосфера сгустилась настолько, что даже шестилетний ребенок не мог этого не заметить. Дождавшись, пока Лэнс отправится к адвокату, мать усадила девочку на постель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.